

«Прошу оказать мне доверие,
так как другой жизни помимо жизни
в партии и с партией у меня
не было, нет и не будет...»:
«Дело Н. А. Корнатовского»
в документах ленинградского
горкома ВКП(б) 1949 г.

Публикация К. А. Болдовского

В судьбе Николая Арсеньевича Корнатовского (1902–1977) во многом отразилась история России XX в. Вступив в 17 лет в РКП(б), он почти сразу же оказался на фронте гражданской войны, участвовал в советско-польской войне. После окончания Военно-политического института в 1924 г. Н. А. Корнатовский получил назначение военным комиссаром кавалерийского полка на Туркестанский фронт, откуда после тяжелого ранения был откомандирован в Ленинград. Здесь он закончил адъюнктуру военно-политической академии, демобилизовался и с 1928 г. начал работать в институте истории партии. Основным направлением исследований молодого ученого стали события 1917–1919 гг. в Петрограде: революция, оборона города, борьба с контрреволюционным подпольем. В 1940 г. он защитил докторскую диссертацию на историческом факультете ЛГУ, где и стал работать профессором кафедры истории СССР.

Во время войны Н. А. Корнатовский работал в составе лекторской группы горкома партии, выступал с лекциями в частях действующей армии. После эвакуации вместе с ЛГУ в Саратов, продолжал научную и пропагандистскую работу. Вернувшись в 1944 г. в Ленинград, наряду с преподаванием в университете, читал лекции в областной партийной школе, продолжал научную работу в институте истории партии, участвовал во многих политических кампаниях того времени: разоблачал чужие ошибки, боролся с проявлениями «безродного космополитизма».

**Болдовский Кирилл
Анатольевич,**
кандидат
исторических наук
(Санкт-Петербург,
Россия)

Н. А. Корнатовский.
Вторая половина 1940-х гг.
(из фондов ЦГАИПД СПб)

В марте 1949 г., после снятия партийно-государственного руководства Ленинграда, Н. А. Корнатовский, сменив В. В. Мавродина, стал деканом исторического факультета ЛГУ. На новом посту он стал активно бороться со «ставленниками бывшего ректора Вознесенского», в том числе, и со своим предшественником (см. документ № 6 настоящей публикации). Эта деятельность, однако, не уберегла его от чистки кадров, начатой, по заданию центра, новыми руководителями города, которые летом и осенью 1949 г. потратили немало времени на разбирательство «дела Корнатовского», как оно именовалось в служебной переписке. Подготовке и проведению этого «дела» и посвящены документы, представленные в публикации.

Лето 1949 г. стало началом нового этапа чисток, получивших в литературе обобщенное название «ленинградского дела». Аресты партийно-государственных руководителей Ленинграда начались в июле–августе 1949 г. Однако, еще за месяц до этого были арестованы С. И. Аввакумов и К. Г. Шариков — бывший и действо-

вавший директоры ленинградского института истории партии.

Организаторы чистки не могли не обратить внимания на Н. А. Корнатовского (см. документ № 1), который был в то время одним из наиболее авторитетных историков партии в городе, хорошо известным в Москве и занимавшим несколько заметных административных постов. Видимо, по этой причине новое руководство не стало репрессировать его без предварительной подготовки.

В начале августа 1949 г. было написано несколько отзывов на работы Н. А. Корнатовского, в частности, на статью «Ленин и Троцкий в борьбе с интервентами на Мурмане», опубликованную еще в 1930 г. Официальный старт «делу» дало письмо директора облпартшколы К. И. Домокуровой в обком партии от 4 августа 1949 г. (см. документ № 2). Кроме него, К. И. Домокурова написала и дополнительное заявление, в котором обращала внимание на связи Н. А. Корнатовского с бывшими руководителями ГК ВКП(б). На основании этих материалов секретарь обкома Н. Д. Казьмин обратился к своему непосредственному руководителю В. М. Андрианову с предложением отстранить Н. А. Корнатовского от занимаемых

должностей (документ № 3). По требованию Н. Д. Казьмина, высказанному во время беседы в обкоме партии, Н. А. Корнатовский написал объяснение, в котором рассказал об основных этапах своей деятельности (см. документ № 6). Следует отметить, что в тот период Н. А. Корнатовский неправильно определял источник нависшей над ним угрозы. По его мнению, причиной партийного разбирательства послужили «сигналы» из ЛГУ, где он активно выступал против «окружения» бывшего ректора А. А. Вознесенского.

Между тем, в горкоме партии были подготовлены новые, более развернутые отзывы, которые носили крайне тенденциозный характер. Авторы этих «внутренних рецензий» доходили до прямой подтасовки фактов (см. комментарии к документу № 6). Кроме откровенных придинок (как, например, упреки в «сочувствии к шпионам и белогвардейцам»), содержащиеся в них обвинения сводились к следующему:

— цитирование (без ссылок на авторов) документов, авторами которых были «враги народа» (в первую очередь, Г. Е. Зиновьев);

— «затушевывание» роли И. В. Сталина в исторических событиях;

— неоправданное возвеличивание Петрограда, как центра революционного движения, при принижении роли других городов, в первую очередь Москвы.

Первый акт «дела» был разыгран на заседании бюро горкома партии 21 сентября 1949 г. Сравнение стенограммы и подчеркиваний, сделанных в отзывах, показывает, что партийные обвинители дословно повторяли текст, иногда даже не вдумываясь в его смысл. Н. А. Корнатовский был снят со всех занимаемых им постов, но вопрос о партийном наказании был отложен.

Причиной этого была необходимость получения санкции на репрессии от высшего руководства. В. М. Андриановым на имя И. В. Сталина было направлено письмо, в котором излагались компрометирующие Н. А. Корнатовского сведения, и сообщалось, что по ним проводится «дополнительная проверка». Копия письма была направлена и непосредственному куратору кадровой чистки — Г. М. Маленкову¹.

В этот же период в ЛГУ, ленинградском институте истории партии и в облпартшколе прошли партийные собрания, на которых до слушателей была доведена информация о «деле». Это вызвало ответную реакцию в виде писем, авторы которых спешили донести начальству об известных им прегрешениях обвиняемого (см. документ № 9). Эти материалы были использованы в ходе заседания бюро горкома 19 октября 1949 г. Характерно, что одним из основных выступавших был Н. Д. Горлинский — начальник УМГБ по ЛО. Это было явным признаком надвигавшегося ареста.

Вскоре после этого заседания Н. А. Корнатовский был арестован, осужден особым совещанием к тому же сроку, что и остальные «партийные историки» — 25 лет лагерей. Он вышел на свободу после смерти И. В. Сталина и продолжал работу на историческом факультете ЛГУ.

При анализе «дела» можно выделить две основные причины столь пристального внимания нового руководства города к вопросам истории партии. Во-первых, высшее

123

Личный листок по учету кадров

1. Фамилия Корнатовский
 2. Имя Николай отчество Александрович
 3. Пол М. Год и м-ц рождения 1902 Место рождения д. Шихоты, Пудинской уез.
 4. до существовавшему в то время адм. делению и Коме,
 5. существующему в настоящее время адм. делению СССР.
 6. Соц. происхождение: а) бывшее сословие (звание) родителей Неизвестно
 б) основное занятие родителей до Октябрьской революции Молодой человек
 7. Основная профессия (занятие) Учитель
 8. Соц. положение Служащий Партийность Член ВКП(б)
 10. Какой организацией принят в члены ВКП(б) Кировский Ужгород, Ленинск-Луг.
 11. Партстаж с 1919 № партбилета 807789 или к/карточки
 12. Стаж пребывания в ВЛКСМ с по № партбилета или к/карточки
 13. Состоял ли в других партиях (каких, где, с какого времени) не состоял
 14. Состоял ли ранее в ВКП(б) нет с какого и по какое время и причина исключения или выбытия
 15. Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда) В оппозиции не участвовал, колебаний не имел.
 16. Членом какого профсоюза состоит и с какого года Член профсоюза из Каданца с 1928.
 17. Образование высшее
 Высшее, незаконченное высшее, среднее, профессиональное образование

Название учебного заведения (вуза, техникума, коммунза, школы и проч.) и его место нахождения	Название факультета или отделения	Дата (мес. год) поступления (или для учащихся)	Окончен ли курс	Если не окончено, с какого по какой учебный год	Курс (группа) специальности, предмет и результаты экзаменов (высшего или среднего учебного заведения)
<u>Военно-морской институт имени М. Кутузова</u>	<u>инж.</u>	<u>1922</u>	<u>нет</u>	<u>1924</u>	<u>на истребительном Крайнем</u>
<u>и. М. Мухоморова</u>	<u>инж.</u>	<u>1926</u>	<u>нет</u>	<u>1927</u>	<u>история СССР.</u>

18. Ученая степень (звание) Инженер-испытатель 1-го класса 19. Имеет ли научные труды и изобретения да (перечень научных трудов и изобретений с указанием, по каким вопросам и где опубликованы, необходимо дать в приложении).
 20. Был ли за границей (включая службу в Красной Армии) нет

Дата (мес. год)	В какой стране (указать город)	Цель пребывания за границей

* Для членов и кандидатов в члены ВКП(б) — к моменту вступления в партию, для беспартийных — к началу работы в государственном аппарате.

Анкета Н. А. Корнатовского. 1949 г. (из фондов ЦГАИПД СПб)

начальство с самого начала указывало на то, что действия «ленинградской антипартийной группы» сходны с деятельностью «зиновьевской оппозиции» 1920-х годов. Подготовка к крупному политическому процессу, которая велась в течение лета – начала осени 1949 г. и была приостановлена только после отказа И. В. Сталина одобрить подготовленный Г. М. Маленковым и Л. П. Берией проект закрытого письма ко всем членам партии в октябре того же года, подразумевала поиск «идеологической платформы», на которой якобы базировалась «антипартийная группа». В качестве подготовки такой «платформы» и рассматривалась, скорее всего, деятельность ленинградских историков партии.

Во-вторых, можно предположить, что в рамках «очищения» Ленинграда от ученых-«космополитов» и «троцкистско-зиновьевского охвостья», о чем неоднократно докладыва-

ли в Москву новые партийные руководители, готовилась новая крупная кампания, направленная против историков, аналогичная той, которая была проведена против филологов.

В любом случае, от проведения открытого процесса с широким пропагандистским сопровождением было решено отказаться после октября 1949 г., что и обусловило закрытый не только для общества, но и для большинства членов партии характер чистки.

В публикацию включены ранее не публиковавшиеся документы, выявленные в фонде ленинградского горкома РКП(б)–ВКП(б)–КПСС (фонд 25) Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Документы расположены в хронологическом порядке и со сплошной нумерацией и являются, как правило, машинописными подлинниками, скрепленными подписями. Каждый документ имеет редакционный заголовок и дату. Документ № 4 датирован автором публикации. В легенде указаны: архивный шифр документа, его подлинность, наличие подписей-автографов. Текст документов приводится в соответствии с современными правилами орфографии. Имеющиеся опечатки и описки, не несущие смысловой нагрузки, исправлены без оговорок. Остальные неточности текста оговариваются в комментариях. Воспроизведены резолюции, выделения и подчеркивания (сделанные адресатами документов синим карандашом), имеющие смысловое значение. Делопроизводственные пометы, как правило, опущены. Сокращение текстов сведено к минимуму. Исключены некоторые сведения личного характера, несущественные для содержания: адреса проживания и некоторые фамилии. Сокращения обозначены треугольными скобками с многоточием.

№ 1

Справка УМГБ ЛО по материалам на Н. А. Корнатовского

от 15.07.1949 г.

Совершенно секретно

СПРАВКА

по материалам на КОРНАТОВСКОГО Н. А.

КОРНАТОВСКИЙ Николай Арсеньевич,
1902 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1919 г.,
профессор, доктор исторических наук,
декан исторического факультета
Ленгосуниверситета имени А. А. ЖДАНОВА

В 1928 году КОРНАТОВСКИЙ опубликовал свою работу «Оборона Петрограда в 1919 году», в которой он игнорировал роль товарища И. В. СТАЛИНА в обороне города и в то же время уделил много внимания деятельности Троцкого, Каменева и Зиновьева.

После 1934 года, являясь редактором журнала «Красная летопись»², КОРНАТОВСКИЙ подписал к печати очередной номер, в котором были помещены статьи арестованных к этому времени врагов народа. Указанный номер журнала был конфискован, а КОРНАТОВСКОМУ по партийной линии был объявлен строгий выговор.

В дальнейшем, в период 1939–41 г.г. КОРНАТОВСКИЙ в своих научных трудах также допускал политические ошибки.

В частности, Институтом Маркса-Энгельса-Ленина был дан отрицательный отзыв на составленный КОРНАТОВСКИМ сборник документов «Героическая оборона Петрограда в 1919 года».

В отзыве указывалось, что в вводной статье и примечаниях к сборнику имеются «грубые политические ошибки с замаскированными троцкистскими тенденциями».

По неофициальным данным, возглавляя в 1932–34 г.г. кафедру Истории ВКП(б) в Ленинградском педагогическом институте имени Покровского, КОРНАТОВСКИЙ принял на работу троцкиста АНИШЕВА А. И., являвшегося до 1925 года преподавателем Военно-Политической Академии имени Толмачева, откуда после его выступления против тов. ВОРОШИЛОВА, он был откомандирован в Средне-Азиатский комвуз в Ташкенте.

В Ташкенте АНИШЕВ вновь был отстранен от преподавательской работы за использование кафедры для пропаганды троцкистско-зиновьевских установок.

Согласно полученным сведениям, КОРНАТОВСКИЙ оказывая АНИШЕВУ содействие в поступлении на работу в Институт имени Покровского, был хорошо информирован о его политическом прошлом.

Кроме того, КОРНАТОВСКИЙ способствовал поступлению в аспирантуру и покровительствовал бывш. секретарю партбюро Ленгосуниверситета ВОЙЦЕХОВСКОМУ И. Е., в 1935–36 г.г. репрессированному за антисоветскую работу.

В прошлом КОРНАТОВСКИЙ был близок к врагам народа Зиновьеву, Евдокимову, Залуцкому, Бакаеву³ и другим, а также был связан с бывш. директорами Института истории ВКП(б) при Ленинградском ГК ВКП(б) ШАРИКОВЫМ и АВВАКУМОВЫМ⁴ (арестованы в июне месяце т.г. за троцкистскую деятельность).

В сентябре 1947 года, рассмотрев представленный ему одним из аспирантов доклад о Маршале Советского Союза ВАСИЛЕВСКОМ, КОРНАТОВСКИЙ «оценил» его следующим образом:

«Аллилуевщина! Судьбу Жукова знаете? Пока Василевский жив — ничего не пишете».

Характеризуя настроения КОРНАТОВСКОГО после его возвращения в Ленинград из эвакуации (1946 год), один из его сослуживцев рассказал:

«...В Лениздате и на квартире КОРНАТОВСКОГО мы говорили о разных... вопросах. КОРНАТОВСКИЙ по своей инициативе неизменно касался двух вопросов: о боязни партии “говорить правду” (как он выражался) и о “бюрократическом режиме в партии”».

КОРНАТОВСКИЙ говорил, что при разработке вопросов истории XX века он “многое вынужден придумывать, подгонять ... врать, чтобы представить в выгодном свете некоторых лиц, которые ... не играли существенной роли в Октябрьской революции”».

Тот же сослуживец КОРНАТОВСКОГО указал, что «...по вопросу режима в партии КОРНАТОВСКИЙ обычно выражался очень грубо. Он рисовал этот режим как сплошной бюрократизм, зажим, который порождает страх, сковывает инициативу».

Начальник Управления МГБ ЛО — Горлинский⁵.

15 июля 1949 года

г. Ленинград

5 отдел

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 234. Л. 106–107. Копия. Машинопись.

№ 2

Письмо К. И. Домокуровой В. М. Андрианову⁶ от 04.08.1949 г.

Секретарю Ленинградского ОК и ГК ВКП(б)

тов. АНДРИАНОВУ В. М.

В Ленинградской областной партийной школе зав. кафедрой истории партии работает профессор Корнатовский. Считаю необходимым поставить вопрос перед Обкомом ВКП(б) об освобождении его от работы заведующего кафедрой по следующим соображениям:

Выявлено, что профессор Корнатовский в 1930 году написал статью в журнал «Красная летопись» (орган Ленинградского института истории партии), которая называлась «Ленин и Троцкий в борьбе с интервенцией на Мурмане».

Как заголовок, так и содержание статьи носит явно ошибочный и вредный характер. В своей автобиографии т. Корнатовский об этом умалчивает.

В 1935 году профессору Корнатовскому был объявлен строгий выговор за притупление бдительности, выразившееся в том, что под его редакцией был выпущен журнал «Красная летопись» № 5, содержащий ошибочные статьи. Впоследствии выговор снят.

Кроме того, в свете всех событий, происшедших в последнее время в институте истории партии совсем не ясна деятельность профессора Корнатовского, который работал там с 1928 по 1940 год. В его автобиографии это никак не отражено.

В силу этих обстоятельств считаю невозможным дальнейшее использование профессора Корнатовского на работе зав. кафедрой Областной партийной школы и прошу по этому вопросу принять решение бюро ОК ВКП(б).

Директор Ленноблпартшколы
Домокурова

«4»⁷ августа 1949 г.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 234. Л. 108. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

№ 3

Письмо Н. Д. Казьмина⁸ на имя В. М. Андрианова от 24.08.1949 г.

Сов. секретно.

СЕКРЕТАРЮ ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБКОМА И ГОРКОМА ВКП(б)

тов. АНДРИАНОВУ В. М.

Директор областной партийной школы т. Домокурова К. И. ставит вопрос перед обкомом ВКП(б) об освобождении профессора Корнатовского от работы заведующего кафедрой истории ВКП(б). Профессор Корнатовский, член ВКП(б) с февраля 1919 г. С 1928 года по 1940 год Корнатовский, вместе с Аввакумовым, Шариковым, Шидловским⁹ работал научным сотрудником Ленинградского института истории ВКП(б). Зная о высказываниях руководителей института в период выступления троцкистов и зиновьевцев против партии Корнатовский нигде никогда этот вопрос не ставил, таким образом, по существу замалчивал или сам соглашался с этими высказываниями. Об этом он был вынужден признаться в присутствии директора школы т. Домокуровой при вызове его в обком ВКП(б).

В 1935 году Корнатовскому был объявлен строгий выговор за притупление политической бдительности, выразившееся в том, что под его руководством был выпущен журнал «Красная летопись» № 5, содержащий политически вредные статьи. Сам Корнатовский в 1930 году в журнале № 3 поместил троцкистскую статью под названием «Ленин и Троцкий в борьбе против интервентов на Мурмане». Кроме этой статьи, у Корнатовского были и другие политически вредные статьи и брошюры. Об этих «трудах» он тщательно умалчивал и умалчивает, как в автобиографии, так и в анкетах.

В 1940 году Корнатовский защитил докторскую диссертацию в Ленинградском Госуниверситете «Героическая оборона Ленинграда 1918–1919 г.г.», причем допустил без ссылок на источник протаскивание документов, подписанных врагом народа Зиновьевым. Тов. Беляев в своей рецензии на диссертацию Корнатовского указывает, что вся 14 глава диссертации составлена на основе сообщения комитета обороны Ленинграда, подписанного Зиновьевым. Диссертация в виде отдельной книги готовилась к изданию в Ленинградском издательстве, уже имелась верстка книги. Мною дано указание директору Лениздата т. Анисимову печатание книги приостановить.

Считаю необходимым просить бюро обкома ВКП(б) Корнатовского с работы руководителя кафедры истории партии Областной партийной школы снять и предложить парторганизации Ленинградского Госуниверситета, где Корнатовский состоит на учете, рассмотреть в партийном порядке дело Корнатовского.

Секретарь Ленинградского обкома ВКП(б)
Казьмин

24.VIII-1949 г.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 234. Л. 102–103. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

На первой странице документа стоит рукописная помета: «На бюро ГК. В. Андрианов 24/VIII-49».

№ 4

Отзыв о книге Н. А. Корнатовского «Героическая оборона Петрограда (1918–1919)»

[не позднее 15.09.1949 г.]

ОТЗЫВ

о книге Н. А. Корнатовского «Героическая оборона Петрограда (1918–1919)»

Работа Н. А. Корнатовского «Героическая оборона Петрограда (1918–1919)», подготовленная к изданию «Лениздатом» тиражом в 10 тысяч, представлена в Институт на отзыв в сверстанном виде на 504 страницах. Объем 31 печатных листа. Редактор Л. М. Пикин.

Книга Н. А. Корнатовского составлена из старых, ранее опубликованных им журнальных статей, брошюр и других работ. Эти работы следующие: «Вступительная статья к сборнику «Крах германской оккупации на Псковщине». Составитель сборника А. А. Фрайман,

изд. 1939 г. Из этой вступительной статьи составлены: I-я, II-я и III-я главы книги с незначительными редакционными поправками.

Далее, в книгу вошла статья «Заговор против социалистической родины», опубликованная в журнале «Красная летопись», № 3, 1937 г., которая целиком без переделок составила XIV главу. Остальные главы книги составлены из книги Корнатовского «Борьба за красный Петроград»; изд. 1929 г. и его же брошюры «Сталин — руководитель обороны Петрограда», изд. 1939 г.

Научная добросовестность требует, чтобы автор сказал читателям, что его книга является перепечаткой старых, опубликованных ранее работ. Корнатовский этого не сделал, предлагая неосведомленному читателю свою книгу как нечто новое в исторической науке.

Желая показать свою «ученость», Корнатовский прибегает к недопустимым в научной работе приемам. В главах I, II и III-й книги он ссылается на архивные документы, которые были опубликованы еще в 1939 году. Тогда как правила научной работы требуют ссылаться на публикации, если они были сделаны раньше другим исследователем. В этих главах автор ссылается или цитирует архивные документы, которые были опубликованы в сборнике «Крах немецкой оккупации на Псковщине», составителем которого являлся А. Фрайман. Следовательно, и архивные документы были найдены и собраны А. Фрайманом. Корнатовский же был автором вступительной статьи к этому сборнику и цитировал тогда в статье эти документы, собранные в этом сборнике, без ссылок на источники. Теперь же, перепечатывая эту статью в качестве трех глав книги, автор счел возможным для себя просто перенести ссылки на архивные фонды, не упоминая о том, что все эти документы опубликованы в сборнике, составленном Фрайманом, создавая необоснованно видимость своей работы в архивах.

Перед изданием книги автор не потрудился проверить в архивах наличие тех материалов, на которые он ссылался 20 лет тому назад в своей книге «Борьба за красный Петроград» (изд. 1929 г.). При проверке ссылок на архивные материалы Ленинградского партийного архива оказалось, что ни одна ссылка не соответствует действительности, не подтверждается архивными материалами. Даже сверка по старым описям архива не дала положительных результатов. Номера фондов, дел, листов, на которые ссылается Корнатовский, в архиве отсутствуют в старых и новых описях. Может поэтому автор и название Ленинградского партийного архива дает старым шифром, так же как и название других архивов. О переименовании архивов Корнатовскому, конечно, известно и совершенно непонятно почему он не занялся проверкой своих ссылок¹⁰.

Первые три главы книги посвящены обороне Петрограда в 1918 году против немецких захватчиков. О борьбе против немецких захватчиков в 1918 году в «Кратком курсе истории ВКП(б)» дана ясная и точная установка: «Под Нарвой и Псковом немецким оккупантам был дан решительный отпор. Их продвижение на Петроград было приостановлено. День отпора

войскам германского империализма — 23 февраля — стал днем рождения Красной Армии» («Краткий курс истории ВКП(б)» стр. 207).

В день 24-й годовщины Красной Армии 23 февраля 1942 года товарищ Сталин еще раз сказал об этой исторической дате 23 февраля 1918 года: «Молодые отряды Красной Армии, впервые вступившие в войну, наголову разбили немецких захватчиков под Псковом и Нарвой 23 февраля 1918 года. Именно поэтому день 23 февраля 1918 года был объявлен днем рождения Красной Армии» (И. В. Сталин. «О Великой Отечественной войне Советского Союза»; изд. 5-е, 1947 г., стр. 41).

В книге Н. А. Корнатовского проводится прямая ревизия этих сталинских положений. В трех первых главах своей книги он не только не показывает героическую борьбу под Нарвой и Псковом, но ни разу не упоминает о 23 февраля 1918 года. Даже в хронике, приложенной в конце книги, не нашлось место для этой даты.

Автор игнорирует и такой важнейший документ, как «Телефонограмма Петербургскому Комитету РСДРП(б)», за подписью Ленина и Сталина от 21 февраля 1918 года, в которой Ленин и Сталин дали боевой приказ Петроградской партийной организации: «готовьте оружие, а главное организуйтесь и мобилизуйтесь поголовно» (И. В. Сталин, Соч. т. 4, стр. 38)¹¹.

Проф. Корнатовский игнорирует эти важнейшие документы Ленина и Сталина не случайно. Он проводит в книге свою концепцию, не соответствующую взглядам Ленина и Сталина и извращающую историческую правду. Автор не только не показал героический отпор отрядов Красной Армии немецким захватчикам под Псковом и Нарвой в день 23 февраля 1918 года, а, наоборот, утверждает, что только «Двадцать пятого февраля первый эшелон в 700 красноармейцев отбыл на станцию Луга. Началась отправка второго эшелона» (стр. 14).

Вместо показа борьбы петроградских рабочих, проф. Корнатовский сосредоточивает все свое внимание на описании оккупации Псковщины и детально описывает разгул белогвардейщины и их ликование вплоть до того, что цитирует благодарственный адрес псковских помещиков германскому императору (см. стр. 34), не давая ему никаких пояснений. В главах, посвященных героической обороне Петрограда в 1918 году, нет главного, в них нет показа героической борьбы петроградских рабочих под руководством большевистской партии во главе с Лениным и Сталиным с немецкими захватчиками.

Особо пристальное внимание должно быть уделено VI главе, в которой автор ведет речь о Сталине. Эта глава книги называется «Сталин — организатор обороны Петрограда». Известно, что товарищ Сталин был не только организатором, но руководителем и идейным вдохновителем обороны Петрограда. Автор уже названием главы сузил и принизил историческую роль товарища Сталина в обороне Петрограда.

Проф. Корнатовский обрывает изложение материала в этой главе событиями, относящимися к концу мая 1919 года. Этим он отрывает товарища Сталина как организатора и руководителя обороны Петрограда от важнейших политических событий и решающих

побед, одержанных под его руководством на Петроградском фронте позже мая 1919 года. Такая важнейшая победа как ликвидация мятежа на «Красной горке» отнесена Корнатовским к следующей главе. В итоге, в главе, несмотря на многообещающее название, организующая и руководящая роль товарища Сталина искажается и умалчивается.

Об организующей и руководящей роли товарища Сталина в 6 главе говорится декларативно и голословно (см. стр. 187). Важнейшие факты и документы о деятельности товарища Сталина в книге не приводятся и замалчиваются. Корнатовский не пишет о том, что по приезде в Петроград И. В. Сталин 19 мая сообщил по прямому проводу В. И. Ленину о положении под Петроградом и о мерах, принятых для укрепления фронта (см. И. В. Сталин, Соч. т. 4, стр. 460). Умалчивается также телеграмма И. В. Сталина В. И. Ленину от 21 мая 1919 г., в которой товарищ Сталин дает оценку положения на Петроградском фронте и пишет, что «самый опасный пункт повторяю, район Гатчины, куда выезжаем завтра» («Документы о героической обороне Петрограда в 1919 г.», изд. 1941 г., стр. 18). Не приводится далее телеграмма И. В. Сталина В. И. Ленину от 28 мая 1919 года, в которой товарищ Сталин пишет, что «Был занят на фронте. Шифровку разобрал сегодня. Мы пришли практическим путем к тому же выводу, к которому приходите Вы дедуктивным путем. Можете быть уверены, что будет сделано все, что можно сделать» («Документы о героической обороне Петрограда в 1919 г.», изд. 1941 г., стр. 23). Выпускать такие важнейшие документы в книгу, посвященной обороне Петрограда, совершенно недопустимо, тем более что для истории сохранилось очень немного подобного рода документов и каждый из них входит драгоценным камнем в общую сокровищницу марксизма-ленинизма.

Кроме того, в этой главе, сталинские документы подаются автором так, что их политическое значение обесценивается. Например, об известном историческом обращении товарища Сталина «К войскам, обороняющим Петроград!» автор пишет: «это обращение было грозным предостережением для белогвардейских заговорщиков» (см. стр. 203). И это все, что говорит автор об историческом значении важнейшего документа. Мобилизующее и организующее значение этого документа т. Сталина не раскрыто, не показано, замалчивается.

VI глава порочна и вредна и по своей политической направленности. В ней Корнатовский всячески выпячивает роль Петроградского Совета и затушевывает роль Петроградской партийной организации, отражая и тем самым защищая и пропагандируя враждебную зиновьевскую линию противопоставления советов партии. В этих целях Корнатовский не стесняется в замаскированном виде протаскивать в своей книге зиновьевские документы.

Так, например, на странице 173 цитируется Постановление Совета Рабоче-Крестьянской Обороны Республики от 2 мая 1919 года о введении осадного положения в Петрограде, в Петроградской и других губерниях. Далее на странице 174 автор пишет, что «в развитие этой директивы Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов тотчас¹² же принял постановление». Затем автор излагает это постановление и дела-

ет ссылки на источник — «Петроградская правда» № 96, 3 мая 1919 г. Открываем этот номер газеты и видим, что это постановление исполкома Петроградского Совета подписано врагами народа Зиновьевым и Евдокимовым. Мало этого, автор на страницах своей книги представляет это постановление развитием директивы, подписанной Лениным. Следуя за автором, сопоставив эти два документа, мы убеждаемся в том, что тут не только нет никакого развития ленинских директив, а, наоборот, зиновьевские «директивы» затушевывают основное направление ленинских указаний и отводят в сторону от решения основных задач.

На странице 202 автор заявляет, что 29 мая Петроградский Совет обратился с воззванием к советским и партийным организациям Петроградской и других губерний. Затем приводится цитата, — якобы, из воззвания Петроградского Совета. Автор отсылает читателя к первоисточнику и ссылается на «Петроградскую правду» № 118, 29 мая 1919 года. Ознакомившись с этим номером газеты, мы узнаем, что цитируемый в книге документ является личным обращением врага народа Зиновьева, в котором нет и упоминания о Петроградском Совете. Зиновьевское воззвание по своему содержанию было враждебной вылазкой с целью посеять панику в рядах защитников Петрограда, враждебной попыткой противопоставить зиновьевскую линию линии партии, за осуществление которой боролся т. Сталин. Так фальсифицирует историю и протаскивает враждебные зиновьевские документы в своей книге проф. Корнатовский.

В XIV главе книги, озаглавленной — «Раскрытие контрреволюционного заговора в Петрограде», Корнатовский занялся обобщением антисоветской деятельности заговорщических подпольных организаций в Петрограде. О борьбе же против этих антисоветских организаций автор говорит лишь в конце главы, да и то в нескольких строках. Глава написана целиком по вражеским источникам. Очевидно, поэтому, в целях маскировки, Корнатовский в этой главе не делает ссылок ни на один из цитируемых им документов. При ближайшем же ознакомлении с содержанием главы мы узнаем, что одним из главных источников, из которого автор взял материал для главы, является статья врага народа Зиновьева, опубликованная в газете «Петроградская правда» № 268, 23 ноября 1919 года. Эта статья была перепечатана в сборнике «Борьба за Петроград» издания 1923 года под названием «История заговора» и в отрывках вновь перепечатана в сборнике «Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году», изд. 1941 года (см. документы № 200 и 202, стр. 120–125). Кстати, одним из составителей этого сборника является также Н. А. Корнатовский. Эта статья Зиновьева в компиляции¹³ с белогвардейскими мемуарами и другими документами и послужила материалом для написания XIV главы. По содержанию вся глава автором посвящена по существу пропаганде антисоветской деятельности враждебных подпольных контрреволюционных группировок.

Эта же цель преследуется Корнатовским и в других главах книги. Из 16 глав книги только три главы: I-я, VIII-я и XII-я — более или менее свободны от материалов, описывающих

контрреволюционные заговоры белогвардейцев и шпионов иностранных разведок. В остальных главах книги целые разделы и даже больше половины содержания глав посвящаются описанию контрреволюционных заговоров. А главы III, IX и XIV книги целиком посвящены описанию антисоветских действий вражеских организаций.

В книге цитируются речи, письма, воспоминания и другие документы заклятых врагов Советского народа: Колчака (стр. 164–165), Юденича (стр. 84–85, 438), Родзянко (стр. 165), Маннергейма (стр. 164–165), Черчилля (стр. 269–270), белогвардейцев и шпионов Люндквиста, Штейнингера, Людендорфа, Маргулиева, Горна, Петровской¹⁴ и десятков и сотен других антисоветских деятелей. Причем эти враждебные документы часто цитируются без всяких пояснений и критики.

Автор использует враждебные высказывания не столько для критики, сколько для подтверждения своих взглядов и для оценки исторических событий и фактов. Так, например, на стр. 424 автор пишет: «из шпионских донесений, пересланных в штаб Юденича в этот период, заслуживает внимания донесение за № 122 от 31 октября 1919 года. В нем говорилось: ...» — далее дается цитата на двух страницах из шпионского донесения. Корнатовский здесь преподносит читателю характеристику положения в Петрограде, морального состояния Красной Армии и защитников Петрограда в оценке шпионских антисоветских донесений, без всяких комментариев. В цитируемом шпионском документе на стр. 424–425 написано: «моральное состояние армии посредственное, но оно с каждым днем улучшается в пользу большевистского правительства с тех пор, как военные операции приостановились». Вместо того, чтобы показать идейно-патриотический подъем защитников Петрограда и особенно после обращения Ленина от 17 октября 1919 года и одержанных военных побед, Корнатовский рекламирует в книге клевету шпионов, искажая историческую правду.

На странице 281 автор цитирует издевательские антисоветские ругательства английского генерала Г. Гофа, высказанные им в письме к Юденичу. В цитируемом письме Гоф называет командиров Красной Армии тупоумными, с короткой памятью и дураками. Нельзя без возмущения читать пропаганду этих антисоветских клеветнических высказываний, которые зачем-то извлечены автором из белогвардейских изданий, на которые он ссылается (см. стр. 281 ссылка — Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном, изд. 2-е, гл. 1, Берлин, 1922 г.)¹⁵.

Далее, неизвестно для чего, Корнатовский подробно излагает биографические данные белогвардейцев, иностранных разведчиков и других врагов Советской власти. Например, на странице 405 описывается биография английского матерого шпиона Поля Дьюкса. Корнатовский сообщает читателю, что Поль Дьюкс учился в Лондонском университете, окончил Петербургскую консерваторию, «часто ездил в Лондон и читал там лекции для рабочих, а вскоре принял участие в работе английских тред-юнионов» и тому подобные подробности.

При этом Корнатовский дает высокую оценку деятельности Поля Дьюкса. Он пишет: «Поль Дьюкс искусно вел работу... Поль Дьюкс развил энергичную деятельность» (см. стр. 405).

На странице 408 Корнатовский дает биографическую справку об английском агенте Кюрце, давая ему также высокую оценку: «Работоспособность этого шпиона была особенно отмечена Дьюксом».

На странице 409 дается подробное описание биографии предателя Люндеквиста, а на странице 410 — Лихтермана. Можно было бы привести еще массу примеров пропаганды биографий врагов Советской власти. Все это более чем странно еще и потому, что во всей книге не приведено Корнатовским ни одной биографической справки на коммунистов и активных защитников Петрограда, отдавших свою жизнь за победу социализма.

Автор предоставил в своей книге трибуну для выступлений матерым белогвардейцам и другим заклятым врагам Советской власти. В ней цитируются речи, письма, воспоминания и другие документы злейших врагов Советского народа: Колчака, Юденича, Маннергейма, Черчилля, Родзянко, шпионов Люндеквиста, Петровской, Штенингера и т. д. и т. д. Причем автор часто цитирует эти документы без всякой критики, представляя все эти белогвардейские измышления за достоверный источник. В книге собран «махровый букет» белогвардейских антисоветских источников. Название только части этих источников, на которые автор ссылается в своей книге, говорит об их политической значимости, как например, такие источники:

1. А. М. Деникин. Очерки русской смуты, Берлин, 1925 г.
2. П. К. Милюков¹⁶. Россия на переломе, Париж, 1927 г.
3. А. П. Родзянко. Воспоминания о Северо-Западной армии, Берлин, 1921 г.
4. Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914, 1918 г., изд. 1924 г.
5. А. С. Лукомский. Воспоминания, Берлин, 1922 г. т. 2.
6. Горн. Гражданская война на Северо-Западе России, изд. 1923 г.
7. В. И. Игнатьев. Некоторые факты и итоги четырех лет гражданской войны, Петроград, 1922 г.
8. Маргулиес. Год интервенции, кн. 3.
9. «Архив русской революции», 1923 г. Берлин.
10. «Архив гражданской войны», Берлин, Вып. 1.

Список подобных «источников», используемых Корнатовским в своей книге, можно было продолжить, но и приведенных достаточно, чтобы понять вредную «научную» стряпню проф. Корнатовского. Ясно, что по этой литературе нельзя написать историю героической борьбы Петроградской партийной организации и петроградских рабочих под руководством товарища Сталина за оборону Петрограда. Корнатовский совершенно не использовал для своей книги все богатство документов периода гражданской войны, хранящихся в Ленинградском архиве.

Вместо ненависти к врагам советской власти в книге проводится почтительное отношение к ним. Так, например, на странице 44 написано: «один из видных деятелей белого движения, член Центрального Комитета партии народных социалистов В. Игнатъев». На странице 51 читаем: «Видный английский разведчик Экспаре», на странице 415: «эти сведения встревожили Люндеквиста», а на странице 423 о шпионке Петровской говорится: «Петровская была крайне обеспокоена в связи с начавшейся усиленной работой по укреплению районов Петрограда изнутри». Отсюда видно, что Корнатовский озабочен сказать даже о самочувствии шпионов, предателей Люндеквиста и Петровской. Зачем все это ему понадобилось? Допустимо ли это для советского историка?

В своей книге Корнатовский раздувает и преувеличивает роль и значение подпольных контрреволюционных организаций в Петрограде в 1919 году. Автор заявляет, что «Осенью 1919 года работа различных шпионских организаций переросла в грандиозный по своему размаху заговор против советской власти» (стр. 404). А ниже, на странице 415, автор пишет: «Заговорщики могли рассчитывать в общем на 700–800 человек». В итоге, если поверить этим цифрам, которые, отнюдь, нельзя считать приуменьшенными, а скорее преувеличенными, поскольку они исходят от врагов советской власти, не склонных, как известно, преуменьшать свои силы, мы видим, что данные, приведенные автором, опровергают его собственные утверждения о «грандиозном по своему размаху заговоре». Необоснованно преувеличивая роль и значение контрреволюционных заговорщических организаций и групп, Корнатовский искажает историческую правду и затушевывает героическую борьбу защитников Петрограда.

Концепция, проводимая автором в книге, совпадает с меньшевистско-троцкистско-зиновьевской позицией, преувеличивающей силы контрреволюции и не веривших в силы революции. Поэтому неслучайно автор процитировал паническое обращение врага народа Г. Зиновьева, который, пытаясь запугать, взывал: «При таком положении всякое промедление смерти подобно» (см. стр. 202). Автору нужна была эта цитата для подкрепления своей линии, проводимой в книге.

Если на стр. 202 книги автор показывает выступление врага народа Г. Зиновьева под видом Петроградского Совета, то на странице 238 Корнатовский протаскивает снова Зиновьева под видом Комитета обороны. Он пишет, что по случаю крупной победы под Видлицей «товарищ Сталин совместно с Комитетом обороны Петрограда, послал приветственную телеграмму красноармейцам и краснофлотцам». В источнике, на который ссылается автор, в телеграмме стоит лишь одна подпись «Сталин» (см. «Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году», 1941 г., стр. 80, № 123). Однако, автор и тут хочет быть «объективным». Ему известно, что в газете «Петроградская правда» № 143 29 июня 1919 года эта телеграмма опубликована за двумя подписями: «Сталин, Зиновьев». И, вот, он выбрал удобную форму, как сказать о Зиновьеве, не называя его имени в печати. Эта форма и есть «Комитет обороны Петрограда».

В книге для видимости, разоблачаются как будто вражеские попытки зиновьевцев и троцкистов сорвать оборону Петрограда. На страницах 325–327 автор пишет о пораженческой позиции зиновьевцев и троцкистов, о предательском плане Троцкого пропустить врага в город под видом децентрализации боев, чтобы сдать Петроград белогвардейцам. Но это «разоблачение» автора выглядит очень странно. Зачем, например, потребовалось Корнатовскому описывать такие излишние подробности, что Зиновьев делал доклад на пленуме Петроградского Совета, и на следующий день написал воззвание к красноармейцам и командирам, что в Петроград приехал Троцкий, будучи послан для принятия срочных мер по обороне города, что «по пути в Петроград он пишет “установочную статью”», что «16 октября Троцкий телеграфировал Ленину». Автор считает, видимо, что для «объективного» изложения истории эти подробности имеют значение, но он забыл или не хочет знать о партийности в исторической науке, о которой много раз советским историкам указывали Ленин и Сталин. У советского читателя эти подробности могут вызвать лишь раздражение и недоумение.

«Разоблачая» предательский план Троцкого — впустить белогвардейские банды Юденича в город, при дальнейшем изложении Корнатовский, однако, показывает, что этот предательский план действует и им руководствуются работники районов. Описывая военную подготовку Василеостровского района, автор приводит цитату, что «работники района писали: “Район приготовился... Мы ждали белых спокойно, уверенные, что, переступив пределы (Васильевского) острова, они уже больше не выйдут из него” (стр. 367), при этом автор не называет фамилию работника района, который писал этот документ. Ссылка же, сделанная им на Ленинградский партархив, не подтверждается материалами архива. Этого документа в архиве нет. По содержанию «документа», приведенного в книге, ясно, что он отстаивает план Троцкого.

В книге есть и другие недостатки. В ней совершенно не разоблачается захватническая роль американского империализма в деле поддержки интервенции на севере вообще и в частности в период борьбы за Петроград. Не показывается помощь страны Петрограду, и в частности помощь московских коммунистов и Московского губернского революционного батальона (см. «Петроградская правда» № 242, 24 октября 1919 г.).

Указанные недостатки и порочность книги по источникам и политической направленности не позволяют говорить о каких-либо ее достоинствах.

Изучение и проверка подготовленной Корнатовским книги на тему: «Героическая оборона Петрограда в 1918–1919 гг.» дает нам возможность на основе изложенного выше прийти к следующим неоспоримым выводам:

1. Собираательный «труд» Корнатовского из его старых статей и книг, представляющий собою «докторскую диссертацию», не является результатом подлинно научной работы. Книга искажает, извращает действительность, не отражает ее, не показывает героической обороны Петрограда в 1918–1919 г.г.

2. Автор пренебрег глубоким изучением архивных материалов для избранной им темы, не посчитался в изложении темы с руководящими указаниями по теме Ленина и Сталина.
3. Корнатовский в замаскированном виде в своей книге протаскивает и пропагандирует троцкистско-зиновьевские идеи и документы.
4. Подобострастно, объективистски излагает и пропагандирует идеи и документы врагов коммунистической партии и советской власти: Колчака, Юденича и многих других белогвардейцев, шпионов и диверсантов. Как буржуазный объективист и космополит не критически использует в своей книге вражеские источники.
5. В работе Корнатовского нет ни грана партийности в исторической науке. Роль Ленина и Сталина, а также трудящихся Советской страны и Петрограда в героической обороне Петрограда в 1918–1919 г.г. не только не показана, не раскрыта на богатом фактическом материале, а наоборот затушевана, скрыта, принижена, умалена.
6. Петроград и Петроградская большевистская организация показываются изолированно от страны и партии в целом.
7. Книга по своей политической направленности вредна. Она не может быть опубликована.

Зам. Директора
по научной части
С. Беляев

Ст. научный сотрудник
Е. Соколова

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 251. Л. 95–110. Подлинник. Машинопись. Подписи — автографы.

№ 5

Отзыв о работе Н. А. Корнатовского «Ленинград — город трех революций» от 19.09.1949 г.

ОТЗЫВ

о работе Н. А. Корнатовского «Ленинград город трех революций», изд. Лениздата 1947 г.,
объем 3 печ. листа, стр. 45. Редактор И. А. Осипов.

Работа Н. А. Корнатовского «Ленинград город трех революций» является стенограммой публичной лекции, прочитанной в лектории Ленинградского горкома ВКП(б), она состоит из сле-

дующих пяти разделов: 1) Россия — родина ленинизма; 2) Петербург — крупнейший революционный центр России; 3) Петербург в революции 1905–1907 г.г.; 4) Петроград в дни февральской революции; 5) Героические дни Великой Октябрьской Социалистической революции.

Первый раздел брошюры — «Россия — родина ленинизма» представляет собой образец громкой напыщенной пустой фразеологии. Но за этой громкой трескучей фразой скрываются политически неправильные и вредные установки.

Автор цитирует из предисловия к русскому изданию Манифеста Коммунистической партии высказывания Маркса и Энгельса о том, что царская Россия являлась «...последним великим резервом европейской реакции...» (см. стр. 3). Автор не знает или не хочет знать замечание товарища Сталина о переоценке Энгельсом роли царской России, как последней твердыни европейской реакции. Товарищ Сталин в письме членам Политбюро ЦК «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма” писал, что Энгельс в этой статье допускает «переоценку роли царской власти, как “последней твердыни европейской реакции” (слова Энгельса). Что царская власть в России была могучей твердыней общеевропейской (а также азиатской) реакции — в этом не может быть сомнения, — писал товарищ Сталин, — но чтобы она была последней твердыней этой реакции — в этом позволительно сомневаться» (смотрите «Большевик» № 9, 1941 г., стр. 4–5). Товарищ Сталин указал, что эта переоценка роли русского царизма представляет не только «историческую ценность», но имеет и важнейшее практическое значение, что если «русский царизм представляет последний оплот общеевропейской реакции, — то не ясно ли, что война, скажем, буржуазной Германии с царской Россией является не империалистической, не грабительской, не антинародной, а войной освободительной, или почти что освободительной?» — «Понятно, — продолжает товарищ Сталин, — что при таком ходе мыслей не остается места для революционного поражения, для ленинской политики превращения империалистической войны в войну гражданскую» («Большевик» № 9, 1941 г., стр. 5).

Цитировать в 1947 г. положение Энгельса, что Россия являлась «последним великим резервом европейской объединенной реакции», на односторонность которого указывал товарищ Сталин в письме в Политбюро ЦК, опубликованном в 1941 году, объективно это означает пропагандирование положений Энгельса, односторонность которых использовали социал-шовинисты для оправдания своей предательской тактики в период первой мировой войны 1914–1918 годов. Настаивать на этом положении Энгельса после ясных, обоснованных, принципиальных указаний товарища Сталина — это значит отрицать творческий марксизм-ленинизм и становиться на позиции догматического марксизма, на позиции II-го Интернационала, причем это делается не открыто, а замаскировано, так как автор замалчивает известные указания товарища Сталина, игнорирует их.

Далее, в этом разделе лекции ставится вопрос о перемещении центра революционного движения с Западной Европы в Россию. Для доказательства этого известного положения

ленинизма автор не находит ничего лучшего как привести цитату из высказывания злейшего врага ленинизма, ренегата и предателя К. Каутского (см. стр. 4). Кстати, эта цитата Каутского не нова, ее приводил еще в 1920 году Ленин в работе «Детская болезнь "левизны" в коммунизме» (см. В. И. Ленин, соч. т. XXV, изд. 3, стр. 172–173)¹⁷. Только Ленин приводил эту цитату для разоблачения предательства Каутского, а Корнатовский спустя 27 лет приводит ее с целью подкрепления своей лекции ссылками на «авторитет» Каутского.

В то же время во всем этом разделе Корнатовский явно игнорирует известные положения Сталина о причинах перенесения центра революционного движения с Западной Европы в Россию, о причинах превращения России в родину ленинизма, о сущности и исторических корнях ленинизма, развитые и обоснованные товарищем Сталиным в его всемирно известной работе «Об основах ленинизма». Читать раздел в лекции на тему «Россия — родина ленинизма» и ни разу не сослаться на эту работу товарища Сталина и в то же время приводить цитаты из Каутского — это, по меньшей мере, непартийно и антинаучно. Приписывать Каутскому приоритет в несуществующем научном открытии в исторической науке и в то же время умалчивать о действительных заслугах в русской и мировой науке, сделанных товарищем Сталиным в этой области — это значит объективно пропагандировать худший вид космополитизма и преклонения перед «теоретиками» социал-шовинизма Западной Европы.

Затем, следует отметить недостатки раздела лекции: «Петербург в революции 1905–1907 г.г.». Почти весь этот раздел автор посвящает Петербургскому Совету, игнорируя петербургскую большевистскую организацию, боровшуюся в период революции 1905–1907 г.г. под непосредственным руководством В. И. Ленина. Автор выпячивает положительные стороны работы Петербургского Совета, необоснованно приписывает Петербургскому Совету положительные стороны работы, которые являлись заслугой не Петербургского Совета, а большевистской партии: организация профсоюзов, большевистской легальной печати и т. д. Необоснованно преувеличивая заслуги Петербургского Совета автор говорит глухо и неопределенно о недостатках Петербургского Совета, затушевывает и не показывает их, искажая ясные и точные установки, данные в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)», в котором сказано: «Меньшевикам Хрусталеву, Троцкому, Парвусу и другим удалось повернуть Петербургский Совет против политики восстания. Вместо того, чтобы сблизить солдат с Советом и связать их в общей борьбе, они требовали удаления солдат из Петербурга. Вместо того, чтобы вооружить рабочих и готовить их к восстанию, Совет топтался на месте и отрицательно относился к подготовке восстания» («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 77).

Вместо того, чтобы раскрыть эти положения «Краткого курса истории ВКП(б)», или хотя бы привести их, автор отделяется туманной фразой, он говорит: «Предательство меньшевиков-троцкистов сковало революционные возможности Совета, лишило его основных функций как органа вооруженного восстания, как органа власти» (стр. 23).

Вместо того, чтобы показать, что Петербургский Совет не выполнил своих задач вследствие меньшевистского руководства автор преувеличивает заслуги Петербургского Совета и не вскрывает недостатков его работы, отделяясь абстрактной фразой. Преувеличение исторической роли Петербургского Совета и затушевывание его ошибок, как это делает автор, искажает историю и объективно льет воду на мельницу троцкистов.

Общим недостатком работы является отрыв темы от общей истории партии и истории революционного движения страны. Единственное место, где автор касается революционных событий в Москве — это на странице 24 в связи с декабрьским вооруженным восстанием, но и тут о революционных заслугах Москвы сказано вскользь, глухо, не упоминается даже о том, что Московский Совет в 1905 году в отличие от Петербургского Совета сыграл крупную революционную роль и стал органом вооруженного восстания. Такая изоляция Ленинграда от истории страны и от Москвы, какая проводится автором в лекции, искажает историческую действительность и политически воспитывает в духе самостийности, зазнайства и противопоставления Ленинграда всей стране.

Ввиду отмеченных недостатков в заключение приходится сделать общий вывод, что лекция не только не стоит на уровне современных научных и политических требований, но по своему направлению является антинаучной и политически вредной.

19.IX.49 г.

Старший научный сотрудник института истории партии

Е. Соколова

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 251. Л. 89–93. Подлинник. Машинопись. Подпись-автограф.

№ 6

Письмо Н. А. Корнатовского Н. Д. Казьмину от 20.09.1949 г.

Секретарю Ленинградского областного комитета ВКП(б) тов. Н. Д. Казьмину

По Вашему требованию сообщаю о себе следующие сведения:

1. Научно-исследовательскую работу я начал после демобилизации из Красной армии (по инвалидности), поступив в 1928 г. на работу научным сотрудником в истпартотдел Ленгоркома и обкома ВКП(б). Преимущественно занимался местной тематикой послеоктябрьского периода. Работы публиковал в журнале «Красная летопись» (орган Ленистпарта).

В 1929 г. вышла моя книга «Борьба за Красный Петроград. 1919 г.», а затем ряд других работ (статьи, рецензии, брошюры) по вопросам истории Великой Октябрьской Социалистической революции и гражданской войны.

Мои работы, вышедшие задолго до появления «Краткого курса истории ВКП(б)» — знаменитой книги, положившей конец всяким произвольным, вредным, безответственным толкованиям вопросов теории и истории большевизма, — содержат серьезные, принципиальные, методологические ошибки, несмотря на то, что все они проходили ответственную редакцию.

Мои работы носили по преимуществу описательный характер, аналитическая сторона была слаба, идейно-политический уровень низок.

Существо ошибок, их характер выражались в т. н. «академизме», стремлении персонифицировать все события — называть всюду и везде фамилии, в ошибочных или неясных формулировках, неосторожном цитировании, фетишизации документов, неправильном, безответственном наименовании отдельных статей или разделов. Все это явилось следствием слабого соблюдения мною принципа партийности в исследовательской работе, а также низкого уровня ответственного редактирования моих работ, нахождения в обороте всякой литературы по вопросам истории партии и гражданской истории, слабого уровня тогдашней критики научных работ.

Все мои выступления в печати рецензировались на страницах журнала «Пролетарская революция» (орган Истпарта при ЦК партии) и других журналов. Ни я, ни мои критики не видели в этих моих работах в то время какой-либо антипартийной тенденции. Критики отмечали всякие недостатки, но никто из них не предъявлял мне политических обвинений.

Глубокое понимание своих ошибок приходит под влиянием критики и в меру собственного научного роста (при том варианте, что автор является честным человеком). С течением времени мои ранние работы для меня самого предстали в ином свете и получили осуждение за все те ошибки и недостатки, которые в них содержатся. Этому в самой сильной степени способствовали два предупреждения, полученные мною в 1935 г. и в 1940 г.

В начале 1935 г. я получил строгий выговор за притупление бдительности, выразившееся конкретно в том, что при редактировании пятого номера журнала «Красная летопись» в 1934 г. пропустил материал, который нельзя было публиковать. В статьях, в воспоминаниях и документах этого номера, посвященного 15-летию обороны Петрограда в 1919 г., фигурировали имена лиц, оказавшихся врагами народа. Все материалы просматривались членами редколлегии, я выступал как заместитель ответственного редактора. Никого из упоминаемых в материалах лиц я лично не знал, доверился, так сказать, старожилам.

В 1940 г. Ленинградский институт истории партии решил подготовить к печати составленный в основном еще давно при моем непосредственном участии сборник документов о героической обороне Петрограда в 1919 г. Материал сборника был послан на утверждение

в ИМЭЛ и Секретариат истории гражданской войны¹⁸. Из ИМЭЛ был получен отзыв с указанием на многие недостатки сборника. Это явилось вторым серьезным предупреждением для меня, так как речь шла и о сборнике, и о моих ранних работах.

По всем этим вопросам я (и директор института В. Быстрянский) имел объяснение в ИМЭЛ, в парторганизации института, в горкоме партии.

Осенью 1940 г. я перешел на постоянную работу в Ленинградский университет в качестве профессора кафедры истории СССР, продолжая выступать в печати со статьями и брошюрами.

Ректор университета, работники исторического факультета ЛГУ и многие вообще товарищи знали о моих ошибках и их характере, как и моем политическом, партийном поведении. За время нахождения в институте истории партии по совместительству я вел педагогическую работу в вузах по истории СССР и истории партии, по заданиям партийных органов выступал с докладами, печатал статьи в «Ленинградской правде», местных партийных журналах.

Партийное взыскание 1935 г. было снято. Новых партийных взысканий не имел. Большое засорение моих ранних исследовательских работ всякими именами никогда не рассматривалось партийными органами как следствие моих каких-то связей с людьми, оказавшимися врагами народа.

Такое отношение ко мне, как к члену партии, я воспринимал как выражение партийного доверия и всей своей дальнейшей работой стремился оправдать его. В партийной жизни принимал активное участие, в обывателях не ходил, промежуточных позиций не занимал.

2. Аввакумова и Шарикова знал по работе в институте истории партии и по педагогической работе. В каких-либо близких отношениях с ними не находился, сталкивались только по работе. Знал, что Аввакумов в прошлом был прапорщиком, сын извозопромышленника, имел партийные взыскания.

Что касается Шарикова, то при мне институтская партийная организация исключала его из партии, т. к. его жена была репрессирована.

3. С 1940 г. по март 1949 г. я работал в Ленинградском университете как член кафедры истории СССР. В середине марта текущего года принял предложение партбюро истфака ЛГУ и нового ректора т. Н. А. Домнина, согласованное с райкомом и горкомом партии. Был назначен деканом исторического факультета и и. о. завкафедрой марксизма-ленинизма.

Положение на факультете к этому времени стало совершенно нетерпимым, что связано с деятельностью всех ставленников бывшего ректора Вознесенского¹⁹. В течение многих лет происходило засорение кадров факультета (университета в целом), культивировалась атмосфера семейственности, преступного либерализма и примиренчества, взаимовосхваления. Засорялась аспирантура (<...> — дети врагов народа и т. д.). Аналогичное положение сложилось и на кафедре марксизма-ленинизма, которой ведала при Вознесенском

доцент Юраго (засорение кадров, зажим критики, преступная практика приема кандидатского минимума у экстернов и т. д.).

Сигналы о неблагополучии в университете давались давно, но только в начале этого года партийная организация смогла взяться вплотную за дело ликвидации образовавшегося гноя.

Борьба с космополитизмом, аполитизмом, безыдейностью и пр., организационный пересмотр работы, проверка кадров и т. д. — все это было встречено в штыки всякими темными, подозрительными элементами. В ход пошли всякие анонимные клеветнические заявления. Клеветники и обыватели стали сплачиваться, выражать негодование по поводу смены руководства.

Моя роль в критике системы, установившейся при Вознесенском, критике положения на факультете, когда деканом был ставленник Вознесенского проф. Мавродин и где орудовала жена Вознесенского — Косачевская²⁰ и др. — хорошо известна моим товарищам по работе. Подробный материал могут дать В. Легкий, М. Прохорова (биофак), В. Брюнин, В. Овсянкин, Н. Иванов, З. Улитина²¹ и многие другие.

Предложение возглавить факультет и кафедру, сделанное к тому же после постановления ЦК партии по делу Попкова-Кузнецова²², я воспринял как выражение полного партийного доверия ко мне и согласие свое рассматривал как свой партийный долг.

Приступая к новой работе, я предвидел, что могу стать козлом отпущения, объектом для всяких клеветников, которые постараются использовать мои собственные ошибки в прошлом, спекулировать на этом и всячески, во всех возможных формах, шантажировать меня. Так оно и получилось. В августе текущего года во время Всесоюзного совещания завкафедрами марксизма-ленинизма и философии т. А. А. Воронович (сектор вузов ЦК партии) сообщил мне, что даже в ЦК партии поступили два анонимных заявления со всякими обвинениями по моему адресу.

Все эти клеветники молчали много лет, а теперь распоясались.

Повторяю, о моей работе, партийном поведении знают многие товарищи, гражданские и военные работники, о моей работе с аспирантами, со студентами и т. д.

Мне оказывали доверие и внимание в ЛГУ, в Ленинградской партийной школе, в Педагогическом институте им. Герцена, в Высшем военно-педагогическом институте, где я читал ответственные курсы.

В текущем году я читал лекции в Высшей партийной школе и на курсах первых секретарей обкомов и председателей облисполкомов при Академии общественных наук.

Тематики своих научных интересов и педагогической работы я не меняю, свои ошибки всегда признавал и признаю, в кусты не прятался и не прячусь. Свои прошлые недостатки учитываю прежде всего сам для повышения качества своей дальнейшей работы. Несмотря на трудности и политическую ответственность в работе по истории советского периода, я продолжаю сам и учу других разрабатывать именно эти проблемы.

За время работы в ЛГУ со мной велись переговоры по поводу перехода на организационную работу и только в этом году я дал согласие. Никогда мне не приходилось слышать от кого-либо о том, что я скрываю свои прошлые ошибки в исследовательской работе.

Ведь именно в этом году решением Ленобкома партии за подписью тов. Андрианова я введен в состав ученого совета Ленинградского института истории партии, как один из заместителей председателя совета. Можно ли допустить, что работники института и ИМЭЛ совершенно не знают меня?

20 сентября 1949 г.

Н. А. Корнатовский

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 251. Л. 120–122. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

№ 7

**Выписка из стенограммы заседания
бюро ленинградского горкома ВКП(б) от 21.09.1949 г.**

9. Вопросы кадров. <...>

2. О т. Корнатовском Н. А.

тов. КАЗЬМИН

Товарищи, при проверке разного рода исторических работ профессора Корнатовского, члена партии с 1919 г., установлено, что Корнатовский допускает серьезные политические ошибки в этих работах, в чем он сам признается в своем объяснении, и не только допускает, но настойчиво протаскивает контрабанду путем опубликования троцкистско-зиновьевских документов в своих работах. Так, например, в 1930 году после высылки Троцкого из Советского Союза, Корнатовский в журнале «Красная Летопись» № 3 помещает по существу троцкистскую статью под названием «Ленин и Троцкий в борьбе против интервентов на Мурмане».

Затем был выпущен им же в этом же году в более позднее время журнал «Красная Летопись» № 5, который содержал тоже политически вредные статьи.

В 1940 году Корнатовский защитил докторскую диссертацию в Государственном университете на тему «Героическая оборона Ленинграда в 1917 г.», допустил без ссылки на источники протаскивание документов, подписанных врагом народа Зиновьевым и др. Вот, например, 6-я глава этой работы, которую, кстати говоря, в 1949 году хотели издавать, но

мы задержали. 6-я глава порочна и вредна по своей политической направленности. В ней Корнатовский всячески выпячивает роль Петроградского Совета и затушевывает роль Петроградской большевистской организации, отражая тем самым и пропагандируя враждебную зиновьевскую линию противопоставления советов партии. В этих целях Корнатовский не стесняется и в замаскированном виде протаскивает в своей книге зиновьевские документы. Так, например, на странице 173 он цитирует постановление Совета о введении особого положения в Петроградской и других губерниях. На странице 174 автор пишет: «В развитие этой директивы Исполнительный Комитет тут же принял постановление» и затем автор излагает это постановление и делает ссылку на источник — «Петроградская Правда» №...²³. Это постановление Исполкома Совета подписано врагами народа Зиновьевым и Евдокимовым²⁴.

Автор в своей книге представляет это постановление как развитие директивы, якобы, подписанной Лениным. Если следовать за автором, мы убеждаемся в том, что тут нет никакого развития ленинской директивы, а наоборот, зиновьевская «директива» затушевывает основное направление ленинских указаний.

Дальше. На странице 202 автор заявляет, что 29-го мая Петроградский Совет обратился с воззванием к советским и партийным организациям Петроградской и других губерний. Затем приводится цитата из воззвания Петроградского Совета. Автор отсылает к первоисточнику, ссылаясь на «Петроградскую Правду» № 118, 29 мая 1919 г. Когда знакомишься с этим номером газеты, мы узнаем, что цитируемый документ является личным обращением врага народа Зиновьева, и зиновьевское воззвание по своему содержанию было враждебной вылазкой. Нет необходимости его приводить на бюро горкома партии.

Дальше. В 14 главе книги, озаглавленной «Раскрытие контрреволюционного заговора в Петрограде», Корнатовский занялся обобщением антисоветской деятельности подпольных контрреволюционных организаций. Глава написана целиком по враждебным источникам, очевидно, поэтому в целях маскировки Корнатовский в этой главе не делает ссылки ни на один из цитируемых им документов, а при ближайшем ознакомлении узнаем, что одним из главнейших источников, из которого автор взял материал, является статья врага народа Зиновьева («Петроградская Правда» 1919 г.). Эта статья была перепечатана в сборнике «Борьба за Петроград» и в отрывках вновь перепечатана в сборнике документов героической обороны Петрограда в 1919 г., изданном в 1941 году²⁵. Одним из составителей этого сборника являлся Корнатовский. По содержанию вся глава посвящена пропаганде враждебной деятельности подпольных организаций.

В этой книге также очень много цитируется речей, писем, воспоминаний и всяких других документов заклятых врагов советского народа Колчака, Юденича, Родзянского²⁶, Маннергейма, разных шпионов, причем приводятся издевательские антисоветские ругательства со стороны некоторых отъявленных, матерых шпионов, вроде генерала Гофа и других. И это все в той книге дается в очень густом, насыщенном виде. Причем вся докторская диссертация

вообще непонятно написана; во всяком случае, большинство материалов на основе разных белогвардейских антисоветских источников, изданных в Берлине в 1921 г., 1924 г., 1922 г., 1923 г., 1927 г., на основе таких авторов, как Деникин «Очерки русской смуты», Родзянский «Воспоминания о северо-западной армии». Это все в русском переводе, но издано белогвардейцами. В книге собраны махровые цитаты белогвардейских, антисоветских источников.

Я хотел еще остановиться на очень важных материалах, говорящих об исключительной политической недобросовестности Корнатовского. В 1947 г. была издана книга «Ленинград — город трех революций». Само название, почему Ленинград — город трех революций, а Москва тоже город революций и ряд других крупнейших городов — тоже города трех революций. Но дело даже не в этом. Вот стенограммы публичных лекций, прочитанных в лектории горкома партии. Лекция называется «Россия — родина ленинизма», представляет собой образец громкой, напыщенной, пустой фразеологии. За этой громкой трескучей фразеологией скрываются политически неправильные вредные установки. Автор цитирует из предисловия к русскому изданию «Коммунистического Манифеста», что царская Россия являлась последним резервом европейской реакции. Хорошо. Автор не знает или не хочет знать, в этом его политическая недобросовестность, замечание товарища Сталина о переоценке Энгельсом роли царской России, как твердыни европейской реакции. Сталин в своем письме к членам Политбюро ЦК партии о статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» писал, что Энгельс в этой статье допускает переоценку роли царской власти, как последней твердыни европейской реакции... (читает, «Большевик» № 9 за 1941 г.).

И вот, цитируя в 1947 г. положения Энгельса, что Россия являлась последним великим резервом европейской объединенной реакции, на односторонность которого указывал товарищ Сталин, это объективно означает пропагандирование положения Энгельса, односторонность которого использовалась шовинистами для оправдания своей тактики в войне 1914–1918 гг. Наставать на этой позиции Энгельса после ясного указания товарища Сталина — это значит отрицать творческий ленинизм. Это делается не открыто, а замаскировано, так как автор замалчивает известное указание товарища Сталина, он ни слова не говорит в своей книжонке.

В этом разделе лекции ставится вопрос о перенесении центра революционного движения из Западной Европы в Россию. Для доказательства приводится цитата из высказывания злейшего врага ленинизма, ренегата, предателя Каутского. Зачем это делать? Ссылается на всем известное положение о роли России в этот период. Эта цитата не нова, ее приводил Ленин в 1920 году²⁷. Во всем этом разделе Корнатовский игнорирует известное положение товарища Сталина о причинах перенесения революционного центра в Россию, о сущности исторических корней ленинизма, развитого и обоснованного товарищем Сталиным в его всем известной работе «Об основах ленинизма». Читать: «Россия — родина ленинизма» и ни разу не сослаться на работу товарища Сталина, в то же время приводить цитату

Каутского, — это, по меньшей мере, непартийно и антинаучно. По существу вы приписываете Каутскому приоритет в несуществующем научном открытии, в то же время умалчиваете о сделанном в мировой исторической науке Сталиным в этой области. Это объективно значит пропагандирование худшего вида космополитизма и преклонение перед трактовкой социал-шовинистов Западной Европы. Это простительно невинному младенцу, но не Вам, с 1919 г. подвизающемуся на теоретическом фронте.

Дальше. В этой же брошюре те же самые ошибки, о которых я говорил, о противопоставлении Петроградского Совета большевистской партии и т. д.

Мы просмотрели стенограммы курса лекций, прочитанных по истории партии Корнатовским в 1948–1949 гг. К сожалению, бегло просмотрели. Приходишь к выводу, что это не чтение истории большевистской партии, не то, чему учит товарищ Сталин, ЦК партии в самом «Кратком курсе истории партии»²⁸. Кстати сказать, ведь эти лекции читались в течение всего 1948–1949 учебного года. У нас здесь стенограммы и только в одной лекции Вы, т. Корнатовский, ссылаетесь на «Краткий курс», рассказываете о значении его, но чтобы в процессе чтения были ссылки, — этого мы не нашли. Лекции просматривало несколько человек из обкома, но не нашли в этих лекциях, чтобы Вы где-нибудь ссылались на «Краткий курс», чтобы Вы раскрывали идеи марксизма-ленинизма. Это занимательный рассказ. Разве это требуется от историка? Очень слабо была показана борьба партии с троцкистско-зиновьевскими-бухаринскими шпионами, а большевистские, марксистско-ленинские идеи не раскрывались. При характеристике разного рода оппозиций не было четких формулировок, даваемых «Кратким курсом». В лекции не освещались вопросы современности, от чего сам курс носит характер сугубо исторический. Есть, например, такие формулировки, буквально извращающие всем известные положения марксизма-ленинизма. Возьмите учение о партии. Я не встречал, т. Корнатовский, такой формулировки, которую Вы здесь приводите — «Подрывная работа троцкистского блока». Мы знаем, что такое партия. Партия — орудие диктатуры пролетариата. А почему Вы говорите, что партия является основным инструментом диктатуры пролетариата? Орудие и инструмент — огромная разница. Почему Вы это делаете?

«Наступление против кулачества», «Бухаринско-рыковская антипартийная группа», «Первая пятилетка», «Социалистическое соревнование» — все это ясные лекции, ясно, какие нужно раскрывать вопросы. Почему т. Корнатовский считает необходимым излагать на двух страницах о Керенском, его высказывания в этот период и т. д.?

Наконец, очень нехорошо, т. Корнатовский, когда Вы читаете лекцию на тему «XVII съезд партии», злодейскому убийству С. М. Кирова Вы даете абсолютно неправильную формулировку, искажающую «Краткий курс». Вы пишете: «Первого декабря 1934 г. происходит в Ленинграде, в Смольном злодейское убийство товарища Кирова. Это событие...». Мне неудобно читать. Он не говорит, что убийство С. М. Кирова было произведено участником антисоветской зиновьевской группы, как написано в «Кратком курсе». Убийство

С. М. Кирова вызвало величайший гнев, глубокую скорбь трудящихся нашей страны. Об этом Вы тоже ничего не говорите. Вы пишете: «Товарищ Киров пал на фронте малой войны против гитлеровской Германии, а троцкисты, зиновьевцы и бухаринцы выступали теперь в роли агентов германской разведки».

Прежде всего, не случайно, что человек все время обходит «Краткий курс», не ссылается на него.

Сам т. Корнатовский в своем объяснении совершенно не говорит, что протаскивает троцкистско-зиновьевские документы. Он признает: «Мои работы носили по преимуществу описательный характер, аналитический» (зачитывает объяснение).

Все это свидетельствует о том, что Корнатовский в своих работах проводил замаскированную троцкистскую пропаганду. Мы знаем, что товарищ Сталин в 1931 г. о протаскивании троцкизма писал специальное письмо в журнал «Пролетарская революция» — «О некоторых вопросах по истории большевизма», где он говорит следующее: «Либеральное отношение... (читает)»²⁹.

Корнатовский ссылается, что все его выступления в печати рецензировались. Всем известно, кто сидел в журнале «Пролетарская революция», и почему резко выступил товарищ Сталин. Я считаю, что за троцкистско-зиновьевскую пропаганду следует исключить т. Корнатовского из партии, снять с работы в областной партийной школе и в Университете.

Вопрос о директоре Лениздата т. Анисимове рассмотреть особо.

тов. КОРНАТОВСКИЙ.

Прошу по-человечески учесть, что после такой информации мне трудно говорить. Я разговаривал здесь три раза и мне не приходилось слышать обвинения, которые выдвинули сегодня.

Я привык всегда говорить правду. Нахожусь в Ленинграде с 1922 г., меня знают многие по работе исследовательской и по работе педагогической. У меня под руками нет материалов, на которые я мог бы делать ссылки и опровергать некоторые тяжелые обвинения, выдвинутые сейчас т. Казьминым. Поэтому позвольте мне в общих чертах остановиться на всем том, о чем докладывал здесь т. Казьмин.

Свою исследовательскую работу я начал в горкоме и обкоме партии с 1928 г. после демобилизации из Красной Армии. В 1929 г. вышла моя большая книга под названием «Борьба за красный Петроград». В этой книге очень неблагоприятно с точки зрения всех тех событий, свидетелями и участниками которых мы были, в свете последующего разоблачения врагов народа, которые орудовали у нас, в нашем городе долгое время. Эта книга решительно мною осуждена и без всяких каких-либо резервных мыслей. Книга ложная. Там очень много серьезных принципиальных ошибок политического свойства. Ее нужно выбросить в мусорный ящик.

(тов. Малин³⁰: троцкистская пропаганда есть?)

— Тов. Малин, пропаганды троцкистско-зиновьевских идей нет. Что там есть? Там есть большое засорение всякими именами, всякими фамилиями и объективно получается как бы популяризация этих идей. Чем больше времени уходит с тех пор, тем все сильнее представляется пропаганда каких-либо враждебных партий и теорий.

(тов. Малин: есть троцкистская пропаганда, от нее никуда не уйдете.)

— Мне очень трудно отвечать.

Если есть троцкистская пропаганда, было бы очень кстати показать существо этой троцкистской пропаганды.

(тов. Малин: как Вы изображаете политику левых коммунистов за красный Петроград? Как позицию излишне революционную).

— Троцкисты и бухаринцы являлись врагами партии. Если в книге есть такая формулировка, она, конечно, является политически неверной.

(тов. Казьмин: противопоставляете Петроградский Совет большевистской партии).

— Да. Очень много говорится о Петроградском Совете. Я использовал официальные материалы Петроградского Совета. Эти документы, как правило, были подписаны тогдашним председателем Совета — врагом народа Зиновьевым. Объективно получается то, о чем Вы сейчас говорили.

Позвольте сказать, что за время пребывания в партии ни в каких оппозициях не участвовал, политических колебаний не имел, лично людей, которые упоминаются в моей работе, не знал.

Затем в эти годы на страницах журнала «Красная летопись» публиковались мои статьи, посвященные Октябрьской революции и гражданской войне, преимущественно на местном материале. Здесь была упомянута статья, которая получила действительно антипартийное, поистине дикое название. Редакция одобрила. Я отвечаю за свои работы, ни на кого ссылки делать не буду. Нужно учесть содержание самой работы: «Ленин и Троцкий в борьбе с интервентами на Мурмане». Содержание вскрывает подрывную работу Троцкого по вопросу создания интервенции.

(тов. Андрианов: это так было, но чтобы следовало из вашей статьи, — трудно. Вы доктор исторических наук, как поставили вопрос? «Ленин и Троцкий в борьбе с интервентами на Мурмане». О чем говорит сам заголовок? Троцкий был союзником Ленина. Это Вы пишете тогда, когда Троцкий был выслан из Советского Союза).

— Я говорю о содержании этой статьи.

(тов. Андрианов: заголовок: «Ленин и Троцкий в борьбе с интервентами» — вот вам и содержание. Писали ее в 1930 г., когда Троцкий был выслан из Советского Союза. Все знали, что он враг).

— Писал на основании имеющихся архивных материалов и владел теми средствами, которые были в моих руках.

(тов. Андрианов: в 1930 году было много материалов у каждого коммуниста, чтобы знать, что Троцкий враг. В 1940 году, когда Вы писали докторскую диссертацию, зачем вы использовали документ, подписанный Зиновьевым?).

— В этой главе, посвященной раскрытию контрреволюционного заговора (у меня не осталось экземпляра), цитировал из официального сообщения Комитета Оборона Петрограда. Документ был подписан им как председателем Петроградского Совета.

(тов. Андрианов: что у Вас такое увлечение опубликовывать материалы врагов? Кстати говоря, в Вашей статье Вы о Сталине в одном месте двумя словами говорите, когда он с Юрьевым³¹ разговаривал в Мурмане. Когда говорите о красном Петрограде, вообще о товарище Сталине мало сказано. Цитаты и лозунги Петроградского ревкома, о Троцком пишете. Прав т. Казьмин, неудобно цитировать как вы их описываете: «Во исполнение постановления Политбюро создали ревком во главе с Троцким». И описываете, что делается. Писали в 1929 году, когда Троцкий был исключен из партии и решен вопрос о его высылке из Советского Союза).

(тов. Казьмин: он пишет докторскую диссертацию: «В Петроград приехал Троцкий, будучи посланным для принятия срочных мер по обороне города. По пути он пишет установочные статьи. 13-го февраля Троцкий телеграфировал Ленину»).

— Я говорю, гнилая была статья.

(тов. Андрианов: все 14 глав диссертации написаны на основе материалов Троцкого и Зиновьева. Вы говорите, что не голосовали. Что сильнее: руку поднять или эту книгу издать? Вы тут прямо выступаете с пропагандой этого дела. Вы говорите, что Вам трудно выступать. Что значит трудно выступать? Вы выступали среди коммунистов не только ленинградских, но и других, кто видел и читал эту книгу. Вы их умы засоряли неправильными справками. Когда вышла работа «Героическая оборона Петрограда?»).

— После войны отдал в печать, в 1946 году.

(тов. Андрианов: мы ее не дали печатать в 1949 году. До последнего времени она лежала для того, чтобы ее издать. Вы ничего не сделали, чтобы ее исправить. В 1946 году было ясно, кто враг, кто союзник. Вы опять пишете о Зиновьеве и Троцком, как будто они нам друзья).

— Как о друзьях нигде не писал.

(тов. Андрианов: о левых коммунистах написано: «Ход событий показал, что излишний революционный оптимизм на основе неконкретных данных... (читает). Скажите, пожалуйста, Вы в «Кратком курсе истории партии» читали определение левых коммунистов? Почему не пользовались этим?

О Брестском мире вы говорите, что он явился запоздалым актом. В другом месте говорите о «знаменитом» выражении Троцкого — «Ни мира, ни войны». В чем знаменитость?

Вы запутались, товарищ Корнатовский и надо набраться большевистского мужества, чтобы свою точку зрения в этих вопросах как следует пересмотреть, если Вы добросовестно хотите подойти к оценке своего поведения).

— Я впервые присутствую на таком заседании бюро горкома, когда говорят по поводу моей работы. Такой острой критики, такого политического анализа не было до сих пор. Позвольте сообщить, что эта диссертация, защищенная в 1940 году, работа издана в Лениздате. Эта книга рецензирована в Москве и Ленинграде. Мне говорили о мелких недостатках, о неправильных формулировках, но никто не ставил вопрос так, как поставлен сегодня. Я признаю абсолютную правильность критики, которая здесь была.

(ВОПРОС: кто были Вашими оппонентами?).

— Быстрянский³², Минц³³ и Разгон³⁴.

Шла речь о лекциях. Лекции я действительно читал в областной партийной школе. Стенограммы лекций мною не правлены до сих пор. Никто из тех, кто слушал мои лекции, приехавших из Москвы, такого замечания не делали. В лекциях ошибок, конечно, много.

Тов. МАЛИН.

Если сделать общее замечание о пути, который пройден тов. Корнатовским, и говорить о его работах как историка, то, очевидно, надо говорить о следующем: Корнатовский много вреда принес в исторической науке своими работами, причем в этих работах у него много грубых политических ошибок и ошибок троцкистского характера и не только ошибок, но и проведение троцкистских трактовок и установок в исторических его работах.

Если говорить о книге «В борьбе за красный Петроград», то, не изменяя партийности, тов. Корнатовский, Вы должны сказать, что она насквозь троцкистская книга, она троцкистская от начала до конца.

По второму Вашему положению, как Вы изображаете позицию левых коммунистов в 1929 году. Вы сказали в горкоме, что книга написана на уровне того времени и если бы она попала сейчас в руки, Вы ее уничтожили бы. Это невозможно сделать, она отпечатана. Существо трактовки по позиции левых коммунистов — троцкистское. Острейший и важнейший период жизни нашей партии, период 1918 г., когда шла борьба за революцию и утверждение советской власти, когда Ленину и Сталину огромных усилий стоило добиться заключения мира, Вы позицию троцкистов не разоблачаете в этой книге, как позицию, которая была направлена на срыв революции. Изображаете так: «Заключение 3 марта 1918 г. Брестского мира явилось запоздалым актом, который принес много вреда». Разве в истории партии так можно изображать?

Вы в этой книге изображаете Зиновьева, Троцкого как активных деятелей и участников Октябрьской революции. Ведь через весь материал изображаете их как активных участников Октябрьской революции, в то время не показываете их как врагов партии и народа, они боролись против подготовки и осуществления Октябрьской революции. Они выдали врагам план проведения вооруженного восстания. Изображая их как активных деятелей и участников Октябрьской революции, роль же вождей пролетарской революции, роль товарища Сталина Вы всячески затушевываете. Разве это позиция большевистского историка? Разве не с троцкистских позиций трактовка вопроса в этой книге? Сегодня на бюро Вы обязаны были сказать об этом. Вы не должны проходить мимо вашего периода в жизни и вашей биографии, когда было письмо в журнал «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма». Вы по отношению троцкистов Слуцкого³⁵, в...³⁶ занимали позицию гнилого ...³⁷. В 1933 г. Вас вывели из состава бюро партийной организации.

В 1934 году Корнатовский, работая редактором журнала «Красная Летопись», допускает публикацию статей уже разоблаченных врагов народа, за что получает строгое партийное наказание.

Дальше. Если брать эту книгу «Героическая оборона Петрограда», докторскую диссертацию Корнатовского. Я должен сказать, если не изменять своей добросовестности, это нельзя признать за докторскую диссертацию, она составлена на статьях, опубликованных в различных журналах. Большинство материала взято из журнальных статей, причем без какой-либо переработки. Статья «Заговор против социалистической родины», опубликованная в 1933 году в «Красной Летописи», включена в книгу. Разве так составляется докторская диссертация? Даже кандидатскую диссертацию так недопустимо составлять, а не только докторскую! Так Корнатовский подошел к составлению докторской диссертации.

В этой книге то же самое допускаются грубейшие ошибки троцкистского характера. В этой работе Корнатовский пускается в полемику. Он не согласен с точкой зрения, которая изложена в «Кратком курсе», которая неоднократно высказывалась товарищем Сталиным — разгром немцев под Нарвой и Псковом войсками Красной Армии объявлен днем рождения Красной Армии. Корнатовский не согласен с такой установкой. Он об этом говорит устно, он в книге приводит, он считает, что это неправильно. Корнатовский изображает дело таким образом, что только 25-го февраля (мы считаем 23 февраля, когда немцам нанесли удар) 1918 г. был отправлен первый эшелон с 700 солдатами со станции Луга и готовили к отправке второй эшелон. Он проводит линию, что тут допускается дискуссия, говорит, что неправильно трактуется в «Кратком курсе». Фактически это вражеская ревизия сталинского положения. Почему Корнатовский не показывает в 3-й главе этой работы борьбу Красной Армии под Псковом и Нарвой, даже не упоминает эту дату 23 февраля 1918 г. — день рождения Красной Армии. Даже в хронологии, которая приведена в конце книги, эта дата не упоминается. Это не случайно, потому что Корнатовский проводит свою линию — линию, которая ревизирует сталинское положение.

В этой связи он проходит мимо важнейших документов, сталинских и ленинских документов, мимо которых проходить при составлении такой работы нельзя, преступление, если проходить мимо этих важнейших работ. Телеграммы Ленина и Сталина. О посланной телефонограмме Лениным и Сталиным 21 февраля не говорится³⁸. Он тянет к выводу, что меры не принимались и только 25 февраля был отправлен первый эшелон для борьбы с немцами.

Выпячивается роль Петроградского Совета в обороне Петрограда. Это изображается таким образом, что выпячивается роль Зиновьева. О протаскивании документов говорилось.

Хотел упомянуть об одной работе Корнатовского. Был составлен сборник материалов «Героическая оборона Петрограда в 1919 г.»³⁹, составлен Далеским⁴⁰ и Корнатовским. Редактор Корнатовский. 35 печатных листов. Допускаются грубейшие извращения вопросов истории партии. Речь идет об изображении Корнатовским вопросов, связанных с борьбой партии против троцкизма и военной оппозиции в период 8 съезда партии. Как изображает Корнатовский этот вопрос? — Решения 8-го съезда партии были направлены против военной оппозиции. На съезде впервые обсуждался вопрос о строительстве Красной Армии. Ленин и Сталин подвергли критике так называемую военную оппозицию, выступавшую против создания регулярной армии. — Так изображается в сборнике этот вопрос. Тут извращения троцкистского характера, потому что в «Кратком курсе» совершенно иначе трактуется, острые решения 8-го съезда партии были направлены не против военной оппозиции, а против троцкизма. А Вы об этом умалчиваете. В «Кратком курсе» сказано об этом: «Вместе с нею разгромлена военная комиссия... (зачитывает)». Вы все это дело смазываете.

Вот существо Вашей позиции в исторических вопросах. Вы до последнего времени в печати не подвергли критическому большевистскому разбору Ваши ошибки троцкистского характера. Это не менее важный момент при обсуждении вопроса о Вас.

Я считаю предложение тов. Казьмина правильным.

тов. АНДРИАНОВ.

Снять с кафедры и освободить от работы в Институте истории партии, исключить из участия в тематическом плане.

Относительно партийности так поступить: надо, чтобы Корнатовский добросовестно подошел к оценке своей деятельности, как следует изложил на имя бюро горкома и обкома партии все свои ошибки и дал настоящую критику этого дела. Потом вопрос рассмотреть об его партийной принадлежности. Некоторые вопросы, если есть необходимость, уточнить, потом рассмотреть.

Есть другие предложения? Нет. Тогда позвольте этим ограничиться.

№ 8

Выписка из протокола заседания бюро ленинградского горкома ВКП(б)

от 21.09.1949 г.

56. — От Корнатовском Н. А.

(т. Казьмин, Корнатовский, т. Малин, т. Андрианов)

За протаскивание троцкистско-зиновьевской пропаганды снять Корнатовского Н. А. с работы руководителя кафедры истории ВКП(б) в областной партийной школе, декана исторического факультета и заведующего кафедрой марксизма-ленинизма в ленинградском Государственном Университете.

Освободить Корнатовского Н. А. от работы в институте истории партии (филиал ИМЭЛ) и исключить его из состава участников выполнения тематического плана.

Вопрос о партийности Корнатовского рассмотреть на очередном заседании бюро горкома ВКП(б) после представления им письменного объяснения.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 230. Л. 22–23. Подлинник. Машинопись.

№ 9

Письмо М. Н. Князева в ленинградский обком ВКП(б) от 28.09.1949 г.

В ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБКОМ ВКП(б)

От члена ВКП(б)

М. Н. Князева

Тверская ул. <...>.

В связи с информацией секретаря Обкома ВКП(б) т. Казьмина на партсобрании 26 сентября с/г. о бывшем заведующем кафедры истории партии проф. Корнатовском, считаю своим партийным долгом сообщить следующее:

1. Профессор Корнатовский был снят с работы в Комвузе НКВД (Ленинград) за извращения, допущенные им в инструктивном докладе для начальствующего состава пограничных войск Ленинградского Военного Округа. Сейчас я не могу вспомнить дату этого доклада, но приблизительно, этот факт можно отнести к 1930-му году.

По моему предложению записи этого доклада Корнатовского были отобраны у слушателей и уничтожены, а Корнатовскому было предложено написать объяснительную записку с изложением его точки зрения по вопросу о природе колхозов и классовой борьбы в колхозах.

Это письменное объяснение Корнатовского было послано в Обком ВКП(б) для того, чтобы гражданская партийная организация (Корнатовский не был военным) разобрала это дело по существу. Мне было поручено написать заключение об этой «объяснительной записке». Я пишу слово «объяснительная» в кавычках, так как в этой пространной, в несколько страниц, записке Корнатовского было еще более извращений, чем в его докладе, а под допущенные им в докладе извращения автор старался найти базу, подтверждение. Таково было тогда мое заключение — отзыв об этой «объяснительной» записке Корнатовского. Если бы сейчас удалось найти в архиве эти документы, то мне не было бы надобности вспоминать их содержание. Но и почти через 20 лет я твердо помню, что Корнатовский извратил тогда известное положение из речи товарища Сталина «К вопросам аграрной политики в СССР» (декабрь 1929 г.) об элементах классовой борьбы в колхозах. По Корнатовскому выходило, что в колхозах нет классовой борьбы.

Я не знаю, чем все это дело кончилось, но на какой-то срок Корнатовский, как лектор, исчез.

2. Не могу умолчать о разговорах, которые были среди преподавателей после одного доклада Корнатовского в областной партийной школе в этом году.

После одного доклада Корнатовского в кабинете партстроительства к нему обратились с вопросами некоторые преподаватели. Завязалась беседа. Я был в стороне и не знал, о чем шла беседа. Но когда я подошел и попросил закончить беседу ввиду позднего времени, и Корнатовский вскоре ушел, то мне передали, что в беседе Корнатовский очень странно говорил об орденах СССР. Позднее из разговоров с преподавателями можно было заключить, что Корнатовский делил ордена СССР на два разряда: 1) революционные, наши⁴¹ ордена, как он выражался (орден Ленина, орден Красного Знамени и др.) и 2) ордена военные для военных. Причем эти последние ордена, т. е. ордена военные для военных, по мнению Корнатовского не такие полноценные, как ордена революционные (это относилось к ордену Суворова, к ордену Кутузова, ордену Александра Невского). Вопрос об орденах всплыл в связи с вопросом о советском патриотизме и патриотизме до образования Советской власти. Наши преподаватели не соглашались с мнением Корнатовского по этим вопросам, не соглашались с противопоставлением одних орденов СССР другим орденам СССР.

По этому вопросу лучше меня могли бы рассказать те преподаватели, которые тогда вели беседу с Корнатовским (т.т. <...> и др.).

Ст. преподаватель Обл. партийной школы
М. Князев

«28»⁴² сентября 1949 года.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 251. Л. 111–112а. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

№ 10

Письмо Н. А. Корнатовского В. М. Андрианову от 12.10.1949 г.

Секретарю Ленинградского обкома и горкома ВКП(б)
тов. В. М. Андрианову

На заседании бюро горкома партии мне впервые за 30 лет пребывания в партии и за 20 лет научно-исследовательской и педагогической работы в Ленинграде предъявлено тягчайшее политическое обвинение «в протаскивании троцкистско-зиновьевской контрабанды».

Мои ранние печатные работы, опубликованные за несколько лет до выхода «Краткого курса истории ВКП(б)», содержат грубые политические ошибки. Работы носят описательный характер, аналитическая сторона их слаба, идейно-политический уровень низок. В этом отношении они относятся к категории всех тех работ, которые осуждены в решении ЦК ВКП(б), принятом в связи с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)».

В моих работах имеются грубо ошибочные, произвольные толкования событий и фактов, неправильные положения, неверные формулировки. Работы засорялись не имеющими значения деталями, преувеличенно и неправильно толковались отдельные факты. Фактическое изложение событий давалось иногда без учета их политического значения. В процессе работы над официальными документами я не придавал значения тому, кто является автором этих официальных документов или кем такие документы подписаны.

Грубейшую политическую ошибку я допустил в 1930 г., опубликовав статью под диким, чудовищным названием: «Ленин и Троцкий в борьбе с интервентами на Мурмане», хотя материал статьи давался с целью показа антисоветской деятельности Троцкого на конкретных фактах из истории 1918 г. Данная статья, как и другие мои работы тех лет, не выдерживает никакой критики, несмотря на то, что я никакой другой цели, кроме разоблачения антисоветской подрывной деятельности Троцкого в годы Гражданской войны, не преследовал.

Главная причина всех моих ошибок крылась в недостаточном научном и политическом кругозоре, в политической близорукости, в слабом соблюдении принципа партийности при рассмотрении всех конкретных вопросов истории первых лет советской власти.

При оценке моих ранних работ нельзя не учитывать, между прочим, того обстоятельства, что в те годы в обороте находилась всякая литература, изъятая только позже; что на низком уровне стояло ответственное редактирование моих работ, а также и рецензирование в журналах. Я попал в такой коллектив, который не отличался высокими научными и политическими качествами, и при решении всяких конкретных вопросов был предоставлен самому себе.

Это, конечно, ни в коей мере не оправдывает меня, а только объясняет положение. О какой-либо защите мною своих ошибок не могло быть и не может быть никакой речи.

Несмотря на известные трудности с документами и материалами при разработке вопросов истории советского периода и, прежде всего, первых лет советской власти в Петрограде, я не отказывался от этой тематики и не уходил в далекое прошлое, понимая, что политическая ответственность за выполнение таких тем настолько велика и многогранна, что далеко не всегда сам своевременно замечаешь свои ошибки.

Моя последняя работа «Героическая оборона Петрограда в 1918–1919 гг.», находящаяся в настоящее время в листах (к печати мною не была окончательно подписана), содержит, как это стало мне ясно теперь под влиянием критики, ряд коренных недостатков, о которых говорилось на заседании бюро горкома партии. Главный порок, неизбежно приобретающий политическое значение, состоит в том, что в работе цитируются официальные документы (решения Петроградского совета), подписанные врагом Зиновьевым. Материал был собран мною давно, при сдаче рукописи в издательство я не проверил тщательно все ссылки на источники по самим источникам. В результате получилось совершенно недопустимое положение: с одной стороны показывается подрывная работа троцкистов-зиновьевцев в Петрограде, с другой — в положительном плане цитируются документы, подписанные врагом. Это, безусловно, грубая ошибка, совершенно независимо от официального характера и содержания документа.

Замечания по этой работе принимаю, так как понимаю их справедливость. Работу на эту тему надо писать заново с учетом всех указаний ЦК ВКП(б) по вопросам советской исторической науки и идеологической борьбы партии в настоящее время.

Что касается 14-й главы, в которой говорится о ликвидации крупного контрреволюционного заговора в Петрограде осенью 1919 г., то она написана на основании архивных материалов, но без ссылок на них в силу особого характера архивного материала (Следственный архив ПП ОГПУ при ЛВО⁴³, дело № 26-28, до 30 томов).

Я понимаю, что при оценке моей работы в целом речь идет не о мелочах, а о таких ошибках, которые имеют серьезное значение.

Отдаю себе полный отчет в том, что я обязан решительно изменить свое отношение к работе, повысить требовательность к себе, отрешиться от политической близорукости, строго и последовательно при рассмотрении всех конкретных вопросов, всегда и без исключений проводить принцип партийности.

Что же касается обвинения в протаскивании троцкистско-зиновьевской контрабанды, то такого обвинения принять не могу, так как оно не справедливо. Такое тяжелое обвинение не может быть доказано. Нет и не может быть таких фактов, которые явились бы основанием для подобного обвинения.

Контрабанда враждебных взглядов предполагает преднамеренность действий, сознательную защиту антипартийных взглядов, лженаучных теорий, идей. Контрабандист тот, кто не признает своих политических и теоретических ошибок и продолжает отстаивать враждебные взгляды, боится критики, скрывает источники.

К тому же, о какой пропаганде троцкистско-зиновьевских взглядов может идти речь, когда эти взгляды-платформы давным-давно превратились в орудия диверсий, шпионажа, террора. Старые политические платформы всяких оппозиционных групп давным-давно развеяны в прах, а носители, защитники антипартийных взглядов давно стали врагами советского народа. Да как можно протаскивать троцкистско-зиновьевскую контрабанду легально в нашей стране — в печатных работах, в лекциях?

Допущенные мною ошибки не дают никаких оснований для подобного рода политической квалификации. На своих ошибках, имеющих совершенно иную природу, я никогда не настаивал, источники, которыми пользовался, не скрывал, критики не боялся, а искал ее. Антипартийных взглядов никогда не разделял, в оппозициях никогда не состоял, политических колебаний не имел. Всегда активно и честно защищал, защищаю и буду защищать дело партии Ленина-Сталина.

На заседании бюро горкома партии был развернут материал, состоящий только из отрицательных моментов; все положительное обо мне, о моей работе, о поведении, о жизни выброшено за борт; все положительные характеристики исчезли, появились только отрицательные.

Я читал ответственные курсы по истории СССР — по советскому периоду, по истории ВКП(б), руководил семинарскими и дипломными работами многих студентов, руководил аспирантами (более десяти из них защитили кандидатские диссертации). Имел дело со многими людьми, но никто и никогда не предъявлял мне политических обвинений.

Все время я находился на виду в рядах ленинградской партийной организации, и вдруг в 1949 г. возникло мое персональное дело, которому сразу же придан небывало острый политический характер.

Убедительно прошу обратить и на эту сторону внимание.

В основе моих ошибок лежит недостаточная требовательность к себе, известная политическая близорукость, а не стремление протаскивать антипартийные взгляды.

Вполне понимаю, что при самом тщательном пересмотре всей своей работы я не могу ограничиться кругом тех только ошибок, о которых говорилось на заседании бюро горкома партии; я обязан вскрыть, обнаружить все неверное, ошибочное, неполноценное, недостаточно партийное и со всей энергией и с полным сознанием своей политической ответственности предупреждать повторение подобных ошибок как у себя, так и у других.

Исправление моих ошибок в моих силах, в моих возможностях.

В заключение повторяю: свои серьезные ошибки признаю, но предъявленного мне обвинения не принимаю.

Поставленный перед лицом тяжелого политического обвинения, я прошу не лишать меня прав, которыми пользуется член ВКП(б).

Прошу организовать самую тщательную, всестороннюю, подлинно объективную, не допускающую какой-либо тенденциозности, проверку материалов, положенных в основу обвинения, с опросом меня и лиц, знающих меня по работе. При рассмотрении моего дела прошу учитывать все стороны моей работы, поведения, всей моей жизни.

Прошу оказать мне доверие, так как другой жизни помимо жизни в партии и с партией у меня не было, нет и не будет.

Член ВКП(б) с 1919 г.

Н. А. Корнатовский

28.9.49.

Данное заявление не посылал до 12 октября, так как ожидал вызова к тов. В. М. Андрианову, о чем просил специальным письмом от 27.9.49.

Вторично убедительно прошу принять меня.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 251. Л. 117–119. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

№ 11

Постановление кафедры истории ВКП(б) ленинградской областной партийной школы от 11.10.1949 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

кафедры истории ВКП(б)

по проверке стенограмм некоторых лекций КОРНАТОВСКОГО, прочитанных в Ленинградской областной партийной школе 1948–1949 учебном году

(11 октября 1949 года)

Заслушав рецензии т.т. Ситниковой, Ерохина, Чумандринной, Кожемякиной на стенограммы некоторых лекций профессора Корнатовского, прочитанных в Ленинградской областной партийной школе в 1948–1949 учебном году по курсу Истории ВКП(б) (с VII по XIV тему) кафедра отмечает:

1. Профессор Корнатовский игнорировал «Краткий курс истории ВКП(б)» как при построении лекций, а также и в оценке исторических событий и фактов. По важ-

- нейшим принципиальным вопросам противопоставляя свою точку зрения указаниям, данным партией и тов. Сталиным по этим вопросам.
2. Извращал отдельные положения марксизма-ленинизма. По существу излагал их с позиций врагов большевистской партии (Троцкого, Каменева, Рыкова).
 3. Не случайно, а систематически профессор Корнатовский в своих лекциях в замаскированной форме уклонялся от разоблачения троцкистов, зиновьевцев и бухаринцев и их подлой антинародной деятельности.
 4. С позиций буржуазного объективизма освещаются исторические факты без надлежащих политических выводов, без соответствующей оценки с классовых партийных позиций.
 5. При изложении работ И. В. Сталина, профессор Корнатовский не случайно, а систематически пытался принизить историческое значение трудов товарища Сталина. Не раскрывается историческое назначение основных работ. Дается сжатый пересказ работ.
 6. Профессор Корнатовский в лекциях игнорировал роль тов. Сталина, как творца новой Сталинской Конституции, совершенно игнорировал величайшую роль тов. Сталина как организатора и вдохновителя побед нашего народа в годы Великой Отечественной войны.

Кафедра истории ВКП(б) проявила политическую близорукость в отношении лекций Корнатовского. Преклоняясь перед авторитетом Корнатовского, целиком передоверила ему чтение лекций, считая, что его лекции не подлежат контролю.

Преподаватели кафедры бывали на отдельных лекциях Корнатовского, знакомились с рядом лекций по стенограммам, замечали неправильное освещение Корнатовским отдельных положений, но не давали принципиальной партийной оценки, не ставили об этом вопрос перед кафедрой, не критически относились к лекциям Корнатовского, ограничивались лишь обменом мнений между собой по отдельным вопросам.

Преклонение перед авторитетом Корнатовского приводило к тому, что его отдельные лекции, имевшие политические ошибки иногда использовались преподавателями при подготовке к лекциям и семинарским занятиям.

Исходя из этого, считать **НЕОБХОДИМЫМ**:

1. Поднять идейно-теоретический уровень работы кафедры, проявлять больше партийности и принципиальности в работе.
2. Обеспечить тщательный контроль за качеством лекций и семинарских занятий. Проводить предварительное обсуждение лекций на заседании кафедры. Организовать систематическое взаимопосещение лекций и семинарских занятий и обсуждение их на кафедре.

3. Так как работу по проверке лекций Корнатовского нельзя считать законченной (не проверены целые темы и ряд отдельных разделов по темам), необходимо довести эту работу до конца.

Зам. зав. кафедрой истории ВКП(б)
И. Кожемякина

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 251. Л. 67–69. Подлинник. Машинопись. Подпись — автограф.

№ 12

Выписка из стенограммы заседания бюро ленинградского горкома ВКП(б) от 19.10.1949 г.

3. О Корнатовском.
(т.т. Казьмин, Андрианов)

Т. Корнатовский.

Я давал письменное объяснение по этим вопросам. Кроме письменного объяснения по материалам прошлого бюро, сегодня я узнал новое в сообщении тов. Казьмина⁴⁴, и могу сказать о сообщении, сделанном сегодня.

Относительно цикла лекций, прочитанных мною в Областной партийной школе. Я не могу согласиться со всеми замечаниями, которые здесь были сегодня сделаны.

Там действительно есть недостатки, серьезные недостатки, но, скажем, взять на себя обвинение такого порядка, что я сознательно и систематически принижал историческое значение товарища Сталина, такое обвинение я не могу принять. Можно внимательно, объективно познакомиться со стенограммами лекций, и к такому обвинению нет оснований. К тому же надо учесть аудиторию Областной партийной школы: секретари райкомов, старые пропагандисты, как они могли слушать в течение года такого рода лекции, если бы я принижал историческое значение работ товарища Сталина и не раскрывал конкретного содержания работ.

И не могу принять, что я уклонялся от разоблачения троцкистов и зиновьевцев. То же, если ознакомиться со стенограммами лекций, доказано не будет.

Поэтому я очень прошу, тов. Андрианов, об этом я писал в объяснении, прошу членов бюро горкома учесть эти мои замечания, есть стенограммы, можно познакомиться.

Что касается использования документов, я писал объяснение и сейчас подтверждаю. Установилась в течение ряда лет совершенно неверная практика публикации документов.

Такую практику установил Секретариат истории гражданской войны, Минц, это было еще до войны — выпускался сборник документов с документами, которые не могли и не должны были публиковаться. В частности, книга 1941 г. издана под маркой главной редакции Истории гражданской войны. Я принимал участие в составлении этого сборника, но никакого участия в издании этого сборника я не принимал; он был издан не в Ленинграде, а в Москве, там с этими документами знакомились люди, которые принимали участие в составлении сборника «Об обороне Петрограда в 1919 г.». Что касается сообщения тов. Казьмина о сборнике «Октябрьское восстание в Петрограде», то и здесь материал предварительно рассматривался ИМЭЛом, без ИМЭЛа он не мог издаваться.

Я принимал участие в издании ряда сборников, за это несу ответственность перед партией, но надо учесть только, что у нас повелось выпускать сборники с документами, которые не могли и не должны быть опубликованы.

(Тов. ГОРЛИНСКИЙ. Вы сами понимали, что документы Троцкого, Зиновьева не должны были публиковать?)

— Если бы я был в этом уверен, я бы не включал. В книге «Съезды ВКП(б) в резолюциях» есть резолюция, которая определяет людей...

(Тов. ГОРЛИНСКИЙ. Но это не значит, что можно в 1949 г. ...)

— Тогда надо дать развернутую рецензию. Я это говорю не для оправдания себя, а для объяснения положения дела.

(Тов. ГОРЛИНСКИЙ. Вы автор книги, имели свое мнение, знали, что документы Зиновьева и Троцкого, почему помещали? Это нам не ясно).

— Я дал объяснение по поводу того, как относился к документам тех лет.

(Тов. ГОРЛИНСКИЙ. Насчет каких пятнышек у Вас были разговоры на партийном собрании Института истории партии в 1933 г., какое Вы давали объяснение?)

— Очевидно, речь шла (я сейчас не помню) о серьезных недостатках в работе сотрудников Института истории партии и о том, что партийная критика недостатков была недостаточной и несвоевременной.

(Тов. ГОРЛИНСКИЙ. Вы были членом бюро?)

— Да, партийное бюро Института было распущено за то, что мы долгое время проявляли либерализм по отношению к руководству Института. Куделли⁴⁵ старый член партии, подруга Крупской, человек с большим характером и не легко было ее критиковать, и сотрудники не критиковали по-настоящему, хотя материала было больше, чем достаточно. В том числе был и я. Но я первый поднял голос критики, правда, с большим опозданием.

(Тов. ГОРЛИНСКИЙ. Что у Вас было в пограншколе?)

— По вопросу о классовой борьбе в деревне я неправильно интерпретировал партийные документы. Я заявил ошибочно, что нет классовой борьбы, а есть элементы классовой борьбы. Это было совершенно ошибочное заявление.

(Тов. ГОРЛИНСКИЙ. Вы принимали участие в составлении учебника истории партии под редакцией Волосевича⁴⁶?)

— Нет. Я работал в Технической академии им. Дзержинского. Я выступал с критикой ошибок, допущенных им в работе, дал им оценку, что это реставрация каменевщины.

(Тов. АНДРИАНОВ. Вот эта статья чья — «Новый белогвардейский заговор в Петрограде»?)

— Была за подписью Зиновьева.

Я сообщал тов. Малину. Эта статья мною была написана 20 лет тому назад по специальным материалам. Мне было разрешено работать над следственным архивом Губчека ЛВО в 1929 г., но так как ссылки на архив делать нельзя, поэтому в этой главе нет ни одной ссылки на архив. Глава написана на основе архивного материала Губчека, а не на основе письма Зиновьева. Факты совпадают.

Товарищи, я все время находился на виду в Ленинградской парторганизации, все время здесь работал, никогда на своих ошибках я не настаивал, ошибок своих не защищал, мои работы читались и другими и никто мне не делал справедливых замечаний, какие сделаны на бюро горкома.

Тов. Андрианов, действительно следует признать, что только сейчас горком партии так глубоко занимается вопросами научно-исследовательской работы и знакомится не формально с этими работами, а по существу, с методикой работы над документами. Такой работы никто никогда не вел.

(С МЕСТА: и расшифровали Вас.)

— Не нужно было меня расшифровывать, я сам бы расшифровался и дал развернутую критику.

Что касается 14-й главы, то прошу поверить, что действительно у меня есть ссылки на архив, причем то, что было подписано председателем комитета обороны Петрограда, было составлено на основании этого архива. Поэтому я прошу членов бюро горкома учесть, что я уже многое понял, готов перестроить свою работу и перестрою, ошибки свои вижу, знаю средства и пути их преодоления, прошу оказать мне партийное доверие.

Тов. АНДРИАНОВ.

У Вас не ошибки, а контрабанда.

Есть предложение: за троцкистско-зиновьевскую пропаганду Корнатовского из партии исключить.

Другие предложения имеются? Нет. Кто за это предложение, прошу поднять руки.

Тов. Корнатовский, сдайте партийный билет⁴⁷.

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 251. Л. 123–125. Подлинник. Машинопись.

№ 13

Из постановления бюро ленинградского горкома ВКП(б)

19 октября 1949 г.

Строго секретно

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

бюро Ленинградского городского комитета ВКП(б)
от 19 октября 1949 г. о Корнатовском Н. А. — члене ВКП(б) с 1919 г.

Бюро горкома ВКП(б) устанавливает, что Корнатовский Н. А. на протяжении длительного времени в своих печатных работах протаскивал троцкистско-зиновьевскую пропаганду.

В 1929 г. в книге «Борьба за красный Петроград» Корнатовский с троцкистских позиций дает трактовку по ряду вопросов истории гражданской войны, извращает события, изображает врагов народа в качестве организаторов обороны Петрограда, всячески выпячивая их роль.

В 1930 г. в журнале «Красная Летопись» Корнатовским была опубликована статья, где допущены грубые политические извращения и восхваление врагов народа. Само название этой статьи говорит о троцкистском нутре ее автора.

В сборнике «Документы о героической обороне Петрограда в 1919 г.», изданном в 1941 г., одним из составителей которого являлся Корнатовский, была включена статья врага народа Зиновьева, причем, в целях маскировки, статья дана за другой подписью.

В 1948 году в сборнике документов и материалов «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде»⁴⁸ под редакцией Корнатовского также опубликованы документы и статьи врагов народа.

В 1949 г. в работе «Героическая оборона Петрограда (1918–1919 г.г.)», подготовленной Лениздатом к печати, Корнатовским используются статьи и документы, подписанные врагами народа, и допускаются грубые политические извращения по вопросам исторической даты зарождения Красной Армии, роли Ленинградской городской партийной организации в обороне Петрограда и др.

В лекциях по истории ВКП(б), прочитанных в 1948/1949 учебном году в областной партийной школе, Корнатовским допускались серьезные политические ошибки и извращения.

Как видно из архивных материалов, в 1931 году Корнатовский стоял на позициях защиты троцкистских контрабандистов — слущких и волосевичей. В своей преподавательской работе проводил тезис врагов народа о затухании классовой борьбы в деревне.

Работая в редакции журнала «Красная Летопись», Корнатовский допускал опубликование в журнале статей врагов народа.

Работая с 1926 по 1940 г.г. в Ленинградском Институте истории ВКП(б) научным сотрудником, Корнатовский был в близких связях с рядом лиц, работавших в институте, ныне разоблаченных врагов народа.

Бюро горкома ВКП(б) постановляет:

Корнатовского Н. А., члена ВКП(б) с 1919 г., за протаскивание троцкистско-зиновьевской пропаганды из членов ВКП(б) исключить.

Секретарь горкома ВКП(б)

В. Андрианов

ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 28. Д. 249. Л. 19–20. Копия. Машинопись.

¹ Кутузов В. А. Две реабилитации: профессор Николай Арсеньевич Корнатовский (3(16).02.1902 — 16.03.1977) // Россия в XX веке: человек и власть. Сб. статей / Отв. ред. М. В. Ходяков. СПб., 2013. С. 37–47.

² «Красная летопись» — журнал, издававшийся петроградским, а затем ленинградским институтом истории партии с 1922 по 1934 гг. и в 1936–1937 гг.

³ Евдокимов Г. Е. (1884–1936), член партии с 1903 г. В 1922–1925 гг. председатель Петроградского Совета профессиональных союзов. В 1925–1926 гг. — первый секретарь ленинградского губкома ВКП(б). С января по апрель 1926 г. — секретарь ЦК ВКП(б), член Оргбюро ЦК ВКП(б). В декабре 1927 г. исключен из партии, в 1928 г. признал свои ошибки и был восстановлен в ВКП(б). В 1934 г. повторно исключен из партии и арестован. Осужден на процессе по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 г. к смертной казни. Расстрелян.

Залуцкий П. А. (1887–1937), член партии с 1907 г. С 1920 г. — член Президиума и секретарь ВЦИК. С 1922 по 1925 гг. — ответственный секретарь Петроградского губкома партии и секретарь Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). С августа 1921 г. по апрель 1922 г. — член оргбюро ЦК ВКП(б). Исключен из партии в декабре 1927 г., в июне 1928 г. восстановлен в ВКП(б) после признания ошибок. Вновь исключен в 1934 г., арестован, в январе 1937 г. расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Бакаев И. П. (1887–1936), в 1925–1926 гг. председатель Ленинградской губернской контрольной комиссии РКП(б)–ВКП(б). Член ЦК ВКП(б) с 1925 по 1927 гг. В декабре 1927 г. исключен из партии. в 1928 г. признал свои ошибки и был восстановлен в ВКП(б). В 1934 г. повторно исключен из партии и арестован. Осужден на процессе по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра» в августе 1936 г. к смертной казни. Расстрелян.

⁴ С. И. Аввакумов (1894–1962), в мае 1933 г. был назначен зам. директора по научной части Ленинградского института истории ВКП(б). С 1935 по 1941 гг. работал в музеях города. Под его руководством в 1935 г. был перестроен музей революции, в 1937 г. открыт Ленинградский филиал музея В. И. Ленина, в 1938 г. создан музей С. М. Кирова. С 1939 по 1941 гг. в ЛГУ в качестве и.о. профессора читал курс лекций, руководил аспирантурой по истории ВКП(б). С 1942 по 1945 гг. работал директором Ленинградского института истории ВКП(б), с 1946 по 1947 гг. заместителем заведующего отдела пропаганды и агитации ленинградского горкома ВКП(б), затем — директором ленинградского отделения института истории АН СССР. В 1949 г. осужден на 25 лет заключения. К. Г. Шариков — в начале 1949 г. — директор ленинградского института истории ВКП(б). Шидловский Г. Л. — сотрудник ленинградского института истории ВКП(б).

⁵ Горлинский Н. Д. (1907–1965), с апреля 1949 г. по август 1951 г. начальник Управления МГБ по Ленинградской области, член бюро горкома ВКП(б), генерал-лейтенант. До этого работал министром госбезопасности Литовской ССР. В декабре 1951 г. назначен заместителем начальника Волжского исправительно-трудового лагеря МВД СССР. С марта 1953 г. по март 1954 г. — начальник 5-го управления МВД СССР. В июне 1954 г. был обвинен в злоупотреблении служебным положением, в том числе и во время службы в Ленинграде, уволен из органов КГБ. В ноябре того же года лишен воинского звания. В 1956 г. — исключен из членов КПСС.

⁶ Андрианов В. М. (1902–1978), в 1949–1953 гг. первый секретарь ленинградского обкома ВКП(б), основной организатор кадровых чисток по т.н. «ленинградскому делу» в городе. В 1953–1956 гг. заместитель министра государственного контроля СССР. С 1956 г. на пенсии.

⁷ Число вписано от руки.

⁸ Казьмин Н. Д. (1904–1963), с 1949 по 1955 гг. — секретарь ленинградского обкома ВКП(б) — КПСС. До этого работал заведующим сектором агитационно-массовой работы отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). С 1955 г. — заведующий отделом школ ЦК КПСС.

⁹ См. ссылку 4.

¹⁰ Архив, хранящий документы коммунистической партии в Ленинграде, неоднократно менял свое название. Он был создан в 1929 г. как Ленинградское отделение Единого партийного архива (ЛЕПА) на базе материалов, собранных Ленинградским истпартом. В декабре 1939 г. преобразован в Партийный архив Ленинградского обкома ВКП(б) (ЛПА). В 1941–1945 гг. — функционировал на правах отдела Ленинградских обкома и горкома ВКП(б). В марте 1945 г. архив стал подчиняться Институту истории партии Ленинградского обкома ВКП(б), войдя в состав института на правах его сектора.

¹¹ Неточность в названии документа и цитируемом тексте. Правильно — «Телефонограмма в исполнительную комиссию Петроградского комитета и во все районные комитеты партии большевиков». Точный текст цитаты: «Советуем, не теряя ни часа, поднять на ноги всех рабочих, чтобы ... организовать десятки тысяч рабочих и двинуть поголовно всю буржуазию до одного, под контролем этих рабочих, на рытье окопов под Питером. Только в этом спасение революции. Революция в опасности. Линию окопов дадут военные. Готовьте орудия, а главное организуйтесь и мобилизуйтесь поголовно» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 354). До выхода этого тома пятого издания собрания сочинений В. И. Ленина в 1962 г. текст телефонограммы приводился только в собрании сочинений И. В. Сталина за двумя подписями.

¹² Подчеркнуто авторами документа.

¹³ Так в тексте.

¹⁴ Горн В. Л. (1875–1938), меньшевик. В годы гражданской войны находился при белой армии. Представитель Северо-Западного правительства при Эстонской Республике, государственный контролер Северо-Западного правительства. С 1921 г. в эмиграции в Германии, с 1926 г. — в Чехословакии. В СССР были изданы его воспоминания: *Горн В.* Гражданская война в Северо-Западной России // Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. Л., 1927.

Маргулиес М. С. (1868 — после 1939), присяжный поверенный, один из защитников по делу Петросовета 1905 г., кадет, министр торговли, промышленности, снабжения и здравоохранения Северо-Западного правительства. В эмиграции жил в Париже. В сборнике «Юденич под Петроградом» опубликованы воспоминания под заголовком «Из дневника».

Кюрц И. Р., Лихтерман А. Я., Люндквист В. Э., Петровская Н. В., Штейнингер В. И. — арестованы ЧК в конце 1919 г., как участники шпионских организаций. Поль Дюкс (Paul Henry Dukes, 1889–1967), в 1919 г. резидент разведки Великобритании в Петрограде. Подробнее см.: *Кутузов В. А., Лепетюхин В. Ф., Седов В. Ф., Степанов О. Н.* Чекисты Петрограда на страже революции. Кн. 1. Л., 1989; *Ратьковский И. В.* Иван Петрович Бакаев — председатель Петроградской ЧК (сентябрь 1919 — август 1920 гг.) // Россия в XX веке: проблемы политической, экономической и социальной истории: Сб. статей / Под ред. М. В. Ходякова. СПб., 2008. С. 114–125.

¹⁵ Имеется в виду английский генерал Хьюберт Гоф (Hubert de la Poer Gough, 1870–1963), который в 1919 г. был руководителем союзнической миссии в Финляндии и балтийских государствах и координировал отношения союзников с Северо-Западной армией Н. Н. Юденича. Весь эпизод с письмом генерала Гофа Н. Н. Юденичу, приведенный в отзыве, является примером грубого искажения реального положения вещей. В этом письме, текст которого был опубликован Г. В. Гессеном в «Архиве русской революции», на самом деле говорится следующее: «Мне известно из многих источников, что крайнее неудовольствие царит в Северо-Западной армии. Главные причины этого неудовольствия следующие: <...> б) Отсутствие помощи со стороны Союзников; в) Помощь, предложенная Германией без вознаграждения. <...> Германия возлелеяла большевиков за счет человечества и ее руки обгажены кровью Русских. Многие русские командиры до такой степени тупоумны или памятью коротки, что уже открыто говорят о необходимости обратиться за помощью к немцам, против воли Союзных Держав. Скажите этим дуракам, чтобы они прочли Мирный Договор. Все, что Германия имеет, ею еже потеряно <...>» (*Гессен Г. В.* Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1921. С. 306–307). Таким образом, уничижительные характеристики генерала Гофа относятся к некоторым офицерам армии Н. Н. Юденича, а вовсе не к «командирам Красной Армии», как указано в отзыве.

¹⁶ Так в тексте. Правильно — А. И. Деникин и П. Н. Милуков.

¹⁷ Речь идет о цитате из статьи К. Каутского «Славяне и революция», напечатанной в газете «Искра» в 1902 г. В ней сказано: «...центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам. ... Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию...». Цитируя в своей работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» (1920 г.) эту статью, В. И. Ленин отмечал: «Хорошо писал 18 лет тому назад Карл Каутский!» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 5.).

¹⁸ ИМЭЛ — Институт Маркса-Энгельса-Ленина. Секретариат истории гражданской войны — видимо, имеется в виду Секретариат главной редакции «Истории гражданской войны в СССР».

¹⁹ Вознесенский А. А. (1898–1950), декан политико-экономического факультета ЛГУ (1940–1941), ректор ЛГУ (1941–1947), министр просвещения РСФСР (1948–1949). Арестован, осужден и расстрелян в ходе «ленинградского дела». Подробнее о нем см.: *Гессен В. Ю.* Семья Вознесенских — высокая и трагическая судьба. СПб., 2013.

²⁰ Мавродин В. В. (1908–1987), историк, декан исторического факультета ЛГУ с 1940 по 1949 гг. Подробнее см.: *Дворниченко А. Ю.* Владимир Васильевич Мавродин: страницы жизни и творчества. СПб., 2001.

Косачевская Е. М. (1906–1994), доцент исторического факультета ЛГУ, гражданская жена А. А. Вознесенского. Осуждена в декабре 1950 г. на 8 лет заключения. Освобождена после смерти И. В. Сталина. Продолжала работать на истфаке ЛГУ до 1968 г. Подробнее см.: *Ганелин Р. Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940–1970 годах / 2-е изд. СПб., 2006. С. 182, 343, 345; *Гессен В. Ю.* Указ. соч. С. 75–76.

²¹ Перечисляются преподаватели и сотрудники ЛГУ (в основном, исторического факультета). Подробнее о многих из них см.: *Ходяков М. В.* Кафедра новейшей истории России // Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. 1934–2004. Очерк истории / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб., 2004. С. 102–135.

²² Имеется в виду постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Об антипартийных действиях члена ЦК ВКП(б) т. Кузнецова А. А. и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) т.т. Родионова М. И. и Попкова П. С.» от 15 февраля 1949 г.

²³ Пропуск в тексте стенограммы.

²⁴ См. ссылку 3.

²⁵ Речь идет о сборнике документов: *Документы о героической обороне Петрограда в 1919 году.* М.: Госполитиздат, 1941.

²⁶ Так в тексте. Правильно — Родзянко. Родзянко А. П. (1879–1970), один из руководителей белого движения на Северо-Западе России, генерал-лейтенант.

²⁷ См. ссылку 17.

²⁸ Речь идет о «Кратком курсе истории ВКП(б)»

²⁹ Начало цитаты из статьи И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» при стенографировании передано неточно. В тексте этой статьи сказано: «... либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых “литераторов” и “историков” протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор.

Вот почему нельзя допускать литературную дискуссию с троцкистскими контрабандистами». (*Сталин И. В.* Собр. соч. Т. 13. М., 1951. С. 99–100).

³⁰ Малин В. Н (1906–1982), в 1949–1952 гг. секретарь ленинградского горкома ВКП(б), курировал идеологическую работу, организатор и участник кадровых чисток. В 1954–1965 гг. заведующий Общим отделом ЦК КПСС.

³¹ Юрьев А. М. (1887 — после 1922), в 1918 г. — председатель Мурманского краевого Совета рабочих и солдатских депутатов.

³² Быстрянский В. А. (1886–1940), деятель революционного движения, историк, публицист. Член Коммунистической партии с 1907 г. Делегат II Всероссийского съезда Советов, член ВЦИК, работал в редакциях газет «Правда», «Известия ВЦИК». С 1918 г. член редакций газет «Петроградская правда», «Северная коммуна». С 1922 г. руководитель Петроградского истпарта, затем на преподавательской работе. Член редакции газеты «Ленинградская правда». В 1936–1940 гг. директор Ленинградского института истории партии. С октября 1940 г. член редколлегии «Правды», заведующий отделом пропаганды марксизма-ленинизма.

³³ Минц И. И. (1896–1991), историк, лауреат Ленинской и двух Сталинских премий первой степени. С 1946 г. академик АН СССР. Герой Социалистического Труда (1946 г.). В первой половине 1949 г. в ходе кампании «по борьбе с космополитизмом» подвергался проработкам в ходе собраний в МГУ и Высшей партийной школе. Подробнее см.: *Тихонов В. В.* «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его

прихвостней»: разгром «группы» историка И. И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // Исторические исследования. 2013. № 2. С. 1–28.

³⁴ Вероятно, имеется в виду И. М. Разгон (1905–1987), с 1940 г. профессор кафедры истории СССР в МГУ. Был составителем и редактором сборников документов: «Документы по истории гражданской войны в СССР» (1940 г.), «Документы Великой пролетарской революции» (1948 г.). В 1943 г. стал лауреатом Сталинской премии первой степени за работу над вторым томом «Истории гражданской войны в СССР». В первой половине 1949 г., после начала кампании по борьбе с космополитизмом, перешел на работу в Томский государственный университет.

³⁵ Слуцкий А. Г. (1894–1979), историк, автор работ по истории революционного движения Западной Европы. Автор статьи «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса», опубликованной в журнале «Пролетарская революция» (1930, № 6). Статья и ее автор были подвергнуты разгромной критике И. В. Сталиным в его работе «О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала “Пролетарская революция”». А. Г. Слуцкий был назван «клеветником и фальсификатором».

Вторая фамилия при стенографировании не была разобрана. Можно обоснованно предположить, что в тексте следует читать «Волосевич». Волосевич В. О. (1882–1953), большевик, в 1909 г. входил в состав Петербургского комитета. С 1912 г. — в эмиграции. Был членом французской компартии. В 1922 г. вернулся в Россию. Преподавал историю партии в вузах Ленинграда. Написанный им «Курс истории ВКП(б)» был подвергнут критике И. В. Сталиным, который назвал автора «троцкистским контрабандистом» и охарактеризовал следующим образом: «Волосевичи пишут для того, чтобы, подкрасившись под большевистский цвет, протащить свою антиленинскую пропаганду, налгать на большевиков и сфальсифицировать историю большевистской партии» (*Сталин И. В.* Собр. соч. Т. 13. М., 1951. С. 100–101.). С 1932 г. преподавал математику в Ленинграде.

³⁶ Пропуск в тексте стенограммы.

³⁷ Пропуск в тексте стенограммы.

³⁸ См. ссылку 11.

³⁹ См. ссылку 25.

⁴⁰ Правильно — Дальский А. Н. — сотрудник ленинградского института истории партии, один из составителей сборника.

⁴¹ Подчеркнуто автором письма.

⁴² Число вписано от руки.

⁴³ ПП ОГПУ при ЛВО — полномочное представительство ОГПУ при Ленинградском военном округе.

⁴⁴ Выступление Н. Д. Казьмина на заседании бюро ленинградского горкома ВКП(б) 19 октября 1949 г. не стенографировалось. Можно предположить, что основные обвинения, выдвинутые в этом выступлении, базировались на информации, содержащейся в подготовленных к заседанию материалах (см. документы №№ 9, 11).

⁴⁵ Куделли П. Ф. (1859–1944), с 1878 г. участвовала в студенческом движении. В 1893 г. познакомилась с Н. К. Крупской и В. И. Лениным. Член РСДРП с 1903 г. Сотрудник газет «Искра» (с 1901 г.) и «Правда» (с 1912 г.). Участник Октябрьской революции. С 1922 г. заведующая петроградским Истпартом и редактор журнала «Красная летопись».

⁴⁶ См. ссылку 35.

⁴⁷ «Дело Корнатовского» коснулось целой группы преподавателей исторического факультета. См. об этом: Ходяков М. В. Кафедра новейшей истории России... С. 102–135.

⁴⁸ Видимо, речь идет о книге: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. 1917 год: Сборник документов и материалов / Гос. архив Октябрьской революции и соц. строительства Ленингр. обл. Л.: Лениздат, 1948. — Составителями сборника были М. И. Тесленко и Ф. П. Васильев.

Болдовский К. А. «Прошу оказать мне доверие, так как другой жизни помимо жизни в партии и с партией у меня не было, нет и не будет...»: «Дело Н. А. Корнатовского» в документах ленинградского горкома ВКП(б) 1949 г. // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 257–307.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия); bold63@mail.ru

'I ask to be trusted, because I had, have and can have no other life, than a life within the party': the case of N. A. Kornatovskiy in the documents of AUCP(b) Leningrad City Committee'

A publication by K. A. Boldovskiy

AUTHOR: Candidate of History (St. Petersburg, Russia); bold63@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Kutuzov V. A. 'Dve reabilitatsii: professor Nikolai Arsenevich Kornatovskii (3(16).02.1902 — 16.03.1977)' in *Rossiia v XX veke: chelovek i vlast. Sb. statei*, Ed. M.V. Khodiakov (St. Petersburg, 2013).
- ² Lenin V. I. *Poln. sobr. soch.* Vol. 35 (Moscow, 1975); Vol. 41 (Moscow, 1981).
- ³ Gorn V. 'Grazhdanskaia voina v Severo-Zapadnoi Rossii' in *Iudenich pod Petrogradom. Iz belykh memuarov* (Leningrad, 1927).
- ⁴ Kutuzov V. A., Lepetiukhin V. F., Sedov V. F., Stepanov O. N. *Chekisty Petrograda na strazhe revoliutsii*, Vol. 1 (Leningrad, 1989).
- ⁵ Ratkovskii I. V. 'Ivan Petrovich Bakaev — predsedatel Petrogradskoi CHK (September 1919 — August 1920) in *Rossiia v XX veke: problemy politicheskoi, ekonomicheskoi i sotcialnoi istorii: Sb. statei*, Ed. M. V. Khodiakov (St. Petersburg, 2008).
- ⁶ Gessen G.V. *Arkhiv russkoi revoliutsii*, Vol. 1 (Berlin, 1921).
- ⁷ Gessen V. Yu. *Semia Voznesenskikh — vysokaia i tragicheskaja sudba* (St. Petersburg, 2013).
- ⁸ Dvornichenko A. Yu. *Vladimir Vasilevich Mavrodin: stranitsy zhizni i tvorchestva* (St. Petersburg, 2001).
- ⁹ Ganelin R. Sh. *Sovetskie istoriki: o chem oni govorili mezhdru soboi. Stranitsy vospominanii o 1940–1970 godakh* (St. Petersburg, 2006).
- ¹⁰ Khodiakov M. V. 'Kafedra noveishei istorii Rossii' in *Istoricheskii fakultet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 1934–2004. Ocherk istorii*, Ed. A. Yu. Dvornichenko (St. Petersburg, 2004).
- ¹¹ *Dokumenty o geroicheskoi oborone Petrograda v 1919 godu* (Moscow, 1941).
- ¹² Stalin I. V. *Sobr. soch.*, Vol. 13 (Moscow, 1951).
- ¹³ Tikhonov V. V. "...Zabit poslednii гвозd v kryshku politicheskogo groba Isaaka Mintca i ego prikhvostnei": razgrom "gruppy" istorika I.I. Mintca v gody ideologicheskikh kampanii "pozdnego stalinizma" in *Istoricheskie issledovaniia*, 2013, no. 2.
- ¹⁴ *Oktiabrskoe vooruzhennoe vosstanie v Petrograde. 1917 god: Sbornik dokumentov i materialov* (Leningrad, 1948).